

18+

ОБРАЗ ОБЩЕСТВА

Энди Лок, Том Стронг

КАК УСТРОЕНА МАТРИЦА?

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Образ общества

Том Стронг

**Как устроена Матрица?
Социальное конструирование
реальности: теория и практика**

«ВЦИОМ»

2010

УДК 316.74165
ББК 60.0

Стронг Т.

Как устроена Матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика / Т. Стронг — «ВЦИОМ», 2010 — (Образ общества)

ISBN 978-5-906345-33-2

Книга знакомит читателя с вкладом теоретиков и школ, на разных этапах формировавших идейный фундамент социального конструкционизма как парадигмы в социальных и гуманитарных науках. На этом пути встречаются философы, психологи, социологи, историки, лингвисты, биологи. Почему именно конструкционизм? Энди Лок и Том Стронг убеждены в его эвристическом потенциале для анализа человеческих обществ в условиях культурных столкновений и недопонимания, вызванных глобализационными процессами. Ориентируясь на нужды своей «материнской» дисциплины — психологии, авторы представляют проблемно и тематически полихромное введение в социальный конструкционизм, которое на фоне возрастающего в последние годы интереса к качественным подходам в социальных и поведенческих науках будет полезно к прочтению и опытным исследователям, и студентам. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 316.74165

ББК 60.0

ISBN 978-5-906345-33-2

© Стронг Т., 2010

© ВЦИОМ, 2010

Содержание

Вступительная статья	8
Вступление	34
Благодарности	37
1. Введение	42
Что такое социальный конструкционизм?	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Энди Лок, Том Стронг

Как устроена Матрица?

Социальное конструирование реальности: теория и практика

Перевод книги инициирован А. М. Долгоруковым

Над переводом работали: Д. В. Онегов, А. В. Зиндер, К. М. Зиндер, А. Мирзоянц

ОБРАЗ ОБЩЕСТВА

Серия «Образ общества»

© Lock A., Strong T., 2010

© Cambridge University Press, 2010

© Рисунок 9.1, W. W. Norton & Company, 1967

© Рисунок 9.2, Guilford Press, 1983

© Онегов Д. В., Зиндер А. В., Зиндер К. М., Мирзоянц А., перевод на русский язык, 2021

© Подвойский Д. Г., вступительная статья, 2021

© Дедушев А. А., иллюстрации, 2021

© Издание на русском языке, АО «ВЦИОМ», 2021

* * *

Социальный конструкционизм

Книга «Как устроена Матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика»¹ знакомит читателя с разнообразными теоретиками и школами мысли, внесшими вклад в развитие современных социально-конструкционистских идей, и намечает курс для знакомства с положениями, лежащими в основе этого подхода. Рассуждения о том, как социокультурные процессы обеспечивают ресурсы, которые делают нас людьми, прослеживаются от «Новой науки» Джамбаттисты Вико, изданной в XVIII веке, к авторам-марксистам, этнометодологам и Людвигу Витгенштейну и далее – до наших дней. Несмотря на то, что конструкционистов часто критикуют как «релятивистов», «активистов» и «противников истеблишмента», а также за то, что они не вносят фундаментального вклада в науку, их идеи теперь принимаются в практико-ориентированных дисциплинах, таких как консультирование по вопросам управления, реклама, психотерапия, образование и долговременный уход. Энди Лок и Том Стронг стремятся побудить к более широкому прочтению истории и традиции социальных наук через выявление альтернативной линии их развития.

---

¹ Буквальный перевод оригинального названия книги на английском языке звучит как «Социальный конструкционизм: истоки и смешения в теории и практике» (Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice). Русское издание выходит под другим названием, однако в тексте будут встречаться смысловые отсылки к исходному заголовку. – Примеч. ред.

ЭНДИ ЛОК – почетный профессор в Школе психологии Университета Мэсси, Новая Зеландия; научный сотрудник Лаборатории прикладной эволюционной эпистемологии на факультете истории и философии науки Лиссабонского университета, Португалия.

ТОМ СТРОНГ – почетный профессор в школе образования Верклунда Университета Калгари, Канада.

Ангусу Макдоналду, который привел меня в область помогающих профессий и показал, насколько важно, помогая, быть критичным. И Дžону Шоттеру – за вдохновение, а также его интеллектуальное лидерство и хорошее знание людей. (Том Стронг)

Трейси Райли и Дžону Шоттеру. (Энди Лок)

Вступительная статья Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм

И опять эта вездесущая Матрица! Или... в преддверии четвертой серии

Первым делом рискнем ослабить интригу, вмонтированную в название русскоязычного перевода данной книги. В оригинале ее названия слово *Матрица* отсутствует. Совместная работа Энди Лока и Тома Стронга (в некотором роде учебное пособие, хотя судить о ее пригодности в этом качестве можно по-разному) вышла в свет в 2010 году в издательстве Кембриджского университета под заголовком «Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice».

Причем тут, спрашивается, Матрица? Чем объясняется избыточная вольность перевода? Стремлением российского издателя через смысловую отсылку к масскультурному и массмедийному образу Матрицы, сформировавшемуся благодаря культовой кинотрилогии², привлечь внимание более широкой читательской аудитории (чем та, на которую могла бы рассчитывать книга с более нейтральным и чисто научнообразным названием)? Что это – маркетинговый ход? Отчасти да, но не только! У книги есть содержательные основания быть названной подобным образом. Так что читатель, подкупившийся ее названием, скорее всего, не будет обманут в своих ожиданиях. Почему? Давайте разбираться...

Слову матрица повезло и не повезло одновременно: лишь последние двадцать лет оно вышло в тираж, прорвалось в зону публичного дискурса благодаря популярности одноименного фильма. В биографии слова произошел более или менее случайный семантический зигзаг: из специального термина точных наук и инженерного дела оно превратилось в сильную, хотя и довольно обтекаемую метафору/аллегорю невидимой, таинственной Власти-Контроля, осуществляемой над населением планеты средствами виртуозной, но при этом отнюдь не безобидной физической, психологической и социальной инженерии.

Не то чтобы об этих сюжетах не думали раньше. Нет, думали, и много, и не только писатели-фантасты, но и просто писатели, а также публицисты, интеллектуалы разных мастей, философы и социологи. Просто слово пришлось кстати: произошел смысловой перенос, и Матрица стала для миллионов наших современников своего рода символом, нагруженным множественными культурными коннотациями, а не просто техническим или математическим понятием.

Быть вписанным в Матрицу – значит быть пешкой в чужой игре, быть управляемым, причем, как сейчас сказали бы, управляемым эффективно, то есть жить в мире иллюзий, получая свою долю «суррогата счастья». Матрица – не просто темница, где все томятся и страдают, среда обитания, где «жить по-человечески» мешают железные решетки и злые надсмотрщики. Матрица приручила человека, одомашнила его, стены тюремных камер поклеены обоями, в них тепло и комфортно, влечения, желания и потребности колонизированы. В итоге пленник утрачивает побуждение к бегству, он отказывается признавать, что его дом – тюрьма.

Все это, конечно, тоже не ново. История мысли XX века неоднократно диагностировала подобные тенденции. Всевозможные антиутопии в стиле «Дивного нового мира», концепция гегемонии А. Грамши, хайдеггеровское *map*, «Одномерный человек» Г. Маркузе, предостережения философов и социологов техники, западный неомарксизм и постмарксизм разных сортов, экзистенциализм, гуманистическая критика менеджериализма и технократизма, Л. Мэмфорд,

---

² В 2019 году создатели трилогии анонсировали выход четвертой серии фильма, запланированный на 2021 год.

Ж. Эллюль, общество спектакля Ги Дебора, общество потребления, симуляции и симулякры Ж. Бодрийяра, макдональдизация Дж. Ритцера, бесчисленные разговоры о роли культуриндустрии, СМИ, и о том, что «пипл хавает» – лишь конкретные примеры рефлексии о «мягком и пушистом» деспотизме Матрицы как знамени времени эпохи высокого модерна.

Чтобы познакомиться с Матрицей, все эти книжки, порой весьма заумные, можно, конечно, не читать. Можно вполне ограничиться продуктами «фальшивого (или искреннего?) самобичевания» современной аудиовизуальной культуры, несущей в массы философию в стиле поп. С другой стороны, неудивительно, что в кадр фильма братьев (ныне сестер) Вачовски попадает стилизованная под Библию обложка бодрийяровских «Симулякров и симуляции».

Не претендуя на ортодоксальность толкования «подлинной», «глубинной» (если таковая имеется) нагрузки понятия матрица в его бытовании в разговорных практиках людей первых десятилетий XXI века, позволим себе указать лишь на некоторые улавливаемые смысловые фрагменты, так сказать, лежащие на поверхности. Очевидно, во всяком случае, что слово это именно в его вольно-переносном значении стало ходовым, и циркулирует оно отнюдь не только в среде знатоков и поклонников трилогии Вачовски. Многие смотрели фильм невнимательно, но словом, ставшим популярным благодаря популярности фильма, пользуются, доверяясь собственной языковой интуиции.

В образе Матрицы сходятся многие социально типические и вместе с тем остро психологически переживаемые тревоги и опасения человека наступающей цифровой эпохи.

Само это слово как бы «пахнет» математикой и информатикой, в том числе, или даже прежде всего – для тех рядовых потребителей благ диджитал-цивилизации, которые мало что смыслят в указанных областях, но готовы перед ними преклоняться как перед чудо-знанием, повсеместно изменяющим мир (в связи с этим вспоминается раннемодерновое кантовское «в каждой науке столько науки, сколько в ней математики»).

В отличие от цифрового профана, компьютерщик, IT-специалист выступает как носитель сакрального знания, жрец новейшей фазы технотронного века, рыцарь, на острие электронного меча которого балансирует судьба человечества. Теперь уже не ученый-экспериментатор в лаборатории и не инженер на производстве (герои недавнего прошлого), а именно парень с бегающими туда-сюда программными кодами в голове, способный одним нажатием кнопки – не выходя на улицу для сражения с драконами или ангелами небесными – спасти или погубить вселенную. Вмешательству его (компьютерного) гения хотя бы отчасти подвластна та странная стихия, которая стандартно визуализируется множеством значков, роящихся на компьютерном экране. Именно так, собственно, и выглядит Матрица, вернее – ее видимое, феноменальное измерение.

И есть ли там вообще что-то внутри, за этими мерцающими значками – не понятно, как и не понятно, есть ли вообще что-то *на самом деле*. Иначе говоря, современного человека не покидает мысль, что воспринимаемый мир, возможно, есть не более чем одна большая фантазмагория, масштабный продукт компьютерного моделирования, великая химера, иллюзия, которые могут мгновенно исчезнуть, когда чья-то рука (Бога, дьявола или чья-то еще, опять же – не понятно, где пребывающая) просто выдернет шнур из розетки.

Разумеется, всевозможными «иллюзионизмами» знакомого с историей мировой философии читателя удивить и испугать нельзя. Однако в данном случае мы имеем дело с особым рода иллюзионизмом, смешанным с постулированием всеобъемлющей власти электронно-компьютерно-информационно-технологических систем (и здесь хочется попутно спросить: а они, интересно, в каком мире находятся – в «иллюзорном» или «действительном?»).

По мере того как некоторые из самых смелых предположений фантастов входят в нашу жизнь и меняют ее, с новой остротой встают вечные проблемы, прежде всего проблемы онтологические. Что считать истинной реальностью, если везде и всюду мерещится зловещая Матрица? Но ее [Матрицы] онтологический статус также остается под вопросом. Поэтому в тысяч-

ный раз приходится спрашивать: подлинная реальность – где она и какая? Материальная, духовная, гибридная? Или их много, или все они неподлинные? Какова здесь роль человеческого(их) сознания(ий), деятельности, отношений между людьми и т. д.? Понятно, что на единственный вразумительный (тем более «объективно истинный») ответ рассчитывать не приходится.

Параллельно с этим мы становимся свидетелями размывания границ привычных областей опыта: реального и воображаемого, объективного и субъективного, искусственного и естественного, физического и психического, живого и неживого. Кибернетический разум, искусственный интеллект, умный дом, робокопы, терминаторы, разговоры, консультации и переписка с ботами, «киборги заполонили всю планету» – мир людей и мир вещей не просто взаимодействуют, они перепутаны, и образуют порой гремучие смеси.

Говоря на жаргоне Б. Латура, «актанты» превращаются в «актеров», и наоборот. «Нелюди», то есть нечеловеки в обличье милых девушек и компетентных экспертов из разных отраслей с белоснежными улыбками смотрят на вас с экрана и «с удовольствием» отвечают на возникающие вопросы. Не надо ничего печатать, Алиса распознаёт устную речь. Голосовой помощник становится незаменимым партнером и советчиком. Он вас не понимает? Выражайтесь яснее, мыслите и говорите проще, стереотипнее, по шаблону. Хотя его «эмпатические» качества совершенствуются прямо на глазах, он не только осваивает все более прихотливые коммуникационные запросы, но скоро научится сочувствовать и сопереживать, проливать искусственную слезу там, где надо. В общем, Окей, гугл... будем дружить! Что само собой не отменяет законности вопроса: можно ли дружить с роботом, даже очень продвинутым и «эмпатичным»?..

Если Матрица представляется как некая демоническая кибер- или гиперреальность, продуцирующая разные формы «неподлинного бытия», симулякров и симуляций, нечто искусственное, сотворенное, то возникает вопрос о ее генезисе и месте дислокации. Самым наивным ответом может стать интерпретация Матрицы как продукта чьей-то злонамеренной воли, индивидуальной или коллективной, и это прямая дорога к объяснениям в духе теорий заговора (миром посредством Матрицы правят кукловоды, влиятельная закулиса, те или иные элитные группы). Этот ответ не только наивен, но и условно оптимистичен, поскольку предполагает возможность победы над «злыми» силами через их устранение силами «добра» (типичный сюжет для фантастических фильмов с хэппи-эндом).

Сложнее обстоит дело, если предположить деперсонифицированный характер Матрицы, анонимность ее власти: она везде и нигде конкретно. Даже если она и создана кем-то и когда-то, она работает в машинной логике, в соответствии с принципами абстрактной, инструментальной рациональности.

Понятно, что все эти ужастики, состоящие из полуреалистических-полусказочных нарративов, кажутся людям увлекательными, вызывают у них интерес. Поэтому, собственно, слово матрица пока что не выходит из арсенала узнаваемых и востребованных повседневных метафор начала XXI века.

Некинематографические ассоциации, порождаемые употреблением слова матрица в вольном метафорическом контексте для обозначения особых качеств социальных отношений, также способны скорее расстроить, чем воодушевить искателя «жалких остатков» свободы в технотронном мире. Сравнение с типографской матрицей не вдохновляет: штамповка, тиражирование, стандартизация, конвейер, прессовка... И объектами этих процессов, «продуктом на выходе», становятся не только материальные предметы, товары, но и информация, а также человеческие существа. При таком взгляде общество предстает как гигантский формовочный цех по поточному производству людей, отливке психосоциальных единиц с заданными качествами. Жутковатая картина, не правда ли?

В ту же степь уводят нас и семантические отсылки к образу матрицы в математике: если матрица есть организованный определенным образом массив цифровых данных, с которыми можно совершать некие допустимые операции-преобразования, и мы находимся, вернее, принудительно загнаны в матричные ячейки, тогда мы суть не более чем какие-то числовые значения в столбцах и строках, нас можно умножать, складывать, делить, вычитать, возводить в степень, извлекать из нас корень, менять местами, удалять, заменять... О ужас, но мы же люди! Но матрицеобразное общество подобные возгласы, кажется, особо не беспокоят: люди, их чувства и эмоции, отношения и интеракции – все это подлежит математической алгоритмизации, моделированию и программированию в технологическом формате, уподобляющим человека вещи.

В итоге метафорика Матрицы в очередной раз, на новом витке, адресует нас к классической для всей современной цивилизации теме: Человек эпохи модерна как хитроумный покоритель Природы и счастливый обладатель инструментального Разума оказывается заложником собственного модуса миропонимания и миродействования. Взбесившаяся технократическая рациональность оборачивается против своего создателя, он ей больше не хозяин. Творение господствует над творцом, низводя творца до уровня всего лишь *средства*.

Для абстрактной, деиндивидуализирующей, «машинной» логики функционирования Матрицы есть лишь материал, который может и/или должен быть обработан, и энергия, необходимая для такой обработки. Человек в этой модели мироустройства не является исключением: он подходит и для того, и для другого – чтобы становиться материалом, сырьем, ресурсом, объектом, пригодным для манипулирования, и чтобы давать энергию (достаточно вспомнить всем известные выражения: человеческий материал или капитал, человеческие или трудовые ресурсы, кадровый состав, а также «потогонная система», «выжимание соков» и т. п.).

Именно этот процесс описывал на своем непереводаемом языке Мартин Хайдеггер, говоря, что *Gestell* как особая установка сознания превращает весь мир, включая и человека, в *Bestand*. И именно в этом процессе обнаруживается пресловутая (полная социально-исторического трагизма) «диалектика Просвещения», изломанный вектор которой был зафиксирован и концептуально расшифрован Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно еще в середине минувшего века.

Вы собираете, вас собирают...

Как это часто вам досаждают?

Весьма примечательны некоторые контексты употребления слова матрица в повседневной речи ровесников тысячелетия – поколения тех, для кого, по их же собственным словам, фантастическая эпопея Вачовски стала уже чистой воды классикой. В аудиторию входят две студентки-подружки, на фоне всеобщего разнообразия одетые в одинаковые свитера. Попытка выделиться в пестрой толпе сходством, когда различия парадоксальным образом уже не выделяют, оказывается удачной. Ироничная реакция однокурсников, почти на автомате, выражается в обороте, претендующем на статус фразеологизма: «Матрица дала сбой!»

Я интересуюсь: как надо понимать эту шутку? Выясняется приблизительно следующее: коварно-виртуозная Матрица в норме производит людей с визуально/иллюзорно разными параметрами, но порой что-то ломается, и одинаковость становится явной, выходит наружу, обнажая признаки процесса штамповки, стандартизации человеческого материала.

Такую подготовленную публику конструктивистскими и/или конструкционистскими метафорами, видимо, уже не удивишь. И тем не менее...

Теперь требуется сделать шаг от отправного для нас и во многом условного понятия Матрицы к социальному конструированию реальности как фундаментальному процессу, описываемому с разных сторон множеством теорий. Связь между этими двумя семантическими фрагментами названия представляемой книги, скорее всего, интуитивно ощущается читателем.

Если устранить налет фантастичности и фантазийности, сопровождающий разговоры о Матрице, и попытаться одновременно перейти на более терминологизированный язык социальных наук, то можно сказать просто: матрица – это своего рода вольный заменитель слова *структура*. Вернее, следовало бы говорить даже не о структуре (в единственном числе), а именно о структурах: их много, и они разные.

Структуры чего и где они находятся? Везде: в обществе, в мышлении, психике, субъективном восприятии окружающего мира, в языке, в организме. Все эти пласты структур каким-то причудливым образом связаны между собой, но отнюдь не тождественны; между ними есть какая-то доля изоморфизма, согласованности, взаимной детерминированности, но также и значительная доля автономии и отчасти даже рассогласованности. Они работают как бы вместе и как бы порознь, отчасти слаженно, но лишь до известной степени.

Структура, форма, паттерн, правило, норма, габитус, фрейм – существует много общих и специальных терминов, используемых для констатации и объяснения того факта, что человеческий опыт – поведенческий, интерактивный, языковой, коммуникативный, когнитивный (будь то в сфере теоретического/ научного мышления или повседневного) – как-то организован, структурирован (как извне, так и изнутри), нормирован, регламентирован, правилосообразен, паттернирован, фреймирован, упорядочен (хотя и не идеально), не-хаотичен (хотя и допускает порой значительный диапазон индивидуальных вариаций), более или менее рутинизирован, опривычен, габитуализирован, институционализирован...

И это значит, с одной стороны, что человек является продуктом всех этих объективных и субъективных структур, но с другой, сам их создает (морфогенез) и воспроизводит (морфостазис), поддерживает или видоизменяет в своей деятельности. Хотя делает он это не поодиночке и не с нуля, но всегда сообща, то есть вместе с другими, кооперируясь и конфликтуя с ними, опираясь на результаты действий предыдущих поколений или модифицируя их; результаты, с которыми он сталкивается как с наличной данностью в рабочей обстановке «общественной стройплощадки», где проходит вся его жизнь, от рассвета до заката, включая даже сон.

Это перманентное строительство, совершаемое частично по плану, частично без него, и всегда лишь отчасти предсказуемое (непредвиденные последствия; «хотели как лучше, а получилось...»), собственно, и именуется социальным конструированием реальности.

Откуда берутся структуры? Они не существуют без людей и оказываются результатом их поведенческой, деятельностной и когнитивной активности. В то же время они являются рамкой, условием и предпосылкой для этой самой активности, в значительной мере определяя ее направленность, характер и содержание. Они суть и *natura naturans* – творящая, и *natura naturata* – сотворенная.

Структуры продуцируются индивидами и продуцируют индивидов. Указанное свойство Э. Гидденс именуется «дуальностью структуры» и описывает смежным термином «структурация»: социальное конструирование реальности – это бесконечный диалектический процесс генерирования устойчивых форм общественных отношений в ситуациях неисчислимо множественных интеракций между людьми. Люди и структуры порождают друг друга в неразрывной цепочке взаимной детерминации, звенья которой могут быть выделены лишь аналитически.

Индивиды ежедневно и ежечасно экстернализуют структуры в своей деятельности, например, продолжают платить налоги, сервировать стол определенным образом или использовать в общении грамматические формы родного языка. В то же время структуры интернализуются в сознании индивидов, порождая типические способы реагирования на ситуацию как результат социального научения, усвоения культуры и образцов поведения.

В случаях видоизменения структур общая логика процесса сохраняется: люди могут умышленно или ненамеренно модифицировать или даже ломать те или иные структуры (разрешать однополые браки, отменять расовую дискриминацию, обогащать речь неологизмами), но

параллельно с этим будет происходить переписывание их коллективных представлений, постепенно оформляющихся в новые структурно организованные комплексы.

Подобные рассуждения – своего рода классика жанра, «старая песня о главном» для социальной теории. По крайней мере, так они могут восприниматься последние пятьдесят с лишним лет, с момента выхода и освоения научным сообществом книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Позднее попытки бросить панорамный теоретически фундированный взгляд на процесс коллективного «со-творения» социального (и не только) мира акторами, наделенными индивидуальным сознанием и волей, не прекращались. Концепции П. Бурдьё и Э. Гидденса – лишь два наиболее известных примера, относящихся к последней трети минувшего столетия и заслуживающих внимания.

Однако сама риторика разговоров о социальном конструировании действительности приобрела особую инерцию, произведя на свет всевозможные конструктивистские, конструкционистские или критически деконструкционистские подходы, что сопровождалось также известной вульгаризацией, искажением и даже дискредитацией ряда продуктивных идей, положенных в основание упомянутых подходов. Поэтому «патриархам» приходилось отречься от своего «детища»: так, скажем, Лукман открыто именовал конструктивистов дураками [Лукман, 2002].

Дело здесь опять же во многом в силе слов и их смысловых коннотаций. Говоря о конструировании, конструкции, реконструкции, деконструкции чего-то, рассуждая о чем-то как о конструкте, мы так или иначе адресуем себя и других к строительно-архитектурной лексике, используем слова сборка, разборка, пересборка. Архитекторы, проектировщики, инженеры, прорабы, мастера и рабочие, участвующие в строительстве дома, возводят постройку, строительство, конструируют сооружение как нечто искусственное, обычно по определенному плану, хотя планы в процессе строительства могут меняться, а процесс растягиваться на сотни лет (как это было со средневековыми соборами). Но так ли люди строят общий для них мир?

Можно сказать: мы собираем этот мир по частям, и нас собирают из кусков этого собранного нами же мира (культура и общество, агенты социализации и институты, большая и малая социальная среда, политики, СМИ, реклама, вкусы эпохи, семья, школа...)! В понимании современного человека, дорожащего своей «свободой», первое (активно собирать мир) как бы хорошо, второе (быть собираемым им) – скорее плохо. И если мы хотим по возможности минимизировать негативное влияние второго, мы должны заниматься деконструкцией³ – осуществлять процедуру разборки актуально и потенциально опасных сооружений, которые могут посягать на наше «истинное» (?) Я, самость, интересы, влечения, чувства, права, автономию (хотя все это, в сущности, тоже является продуктом конструирования и принадлежит в строгом смысле не нам, то есть при последовательной, доведенной до логического конца деконструкции от человека ничего или почти ничего не остается, за исключением, возможно, биологического организма, лишенного какой бы то ни было социально и культурно определенной индивидуальности и своеобразия).

И когда про что-то говорится «это всего-навсего конструкт», имеется в виду, что если что-то сконструировано, то значит, оно также может быть демонтировано или перестроено, то есть может быть другим, по крайней мере в принципе. На этом пути одной из возможных позиций становится отрицание ценности всех и всяческих конструкций (институтов, традиций,

---

³ Правда, мыслительная деконструкция исторически конкретных систем социального мироздания, реализуемая при помощи аналитического арсенала науки, может быть полезна хотя бы в том отношении, что она эксплицирует власть структур, особенно скрытых от глаза, делает ее видимой, показывает, как эти структуры работают и какие функции выполняют, оценивает степень их инвариантности и стабильности, с одной стороны, и гибкости и подвижности, с другой (различая несущие стены здания и те его части, которые можно сносить и перестраивать без риска превратить постройку в руины). Вместе с тем наука, признающая относительную изменчивость структур, организующих опыт жизни в человеческих коллективах, обычно признает, что без подобных структур существование людей в обществе себе подобных было бы затруднительным (если не непредставимым), а игру по правилам рассматривает как своего рода спасительное средство от хаоса.

практик), или же, как вариант, их предельная плюрализация и ценностное уравнивание. Двигаясь в указанном мыслительном фарватере, можно прийти к выводу: мы можем, если только захотим, критически взирая на объекты социокультурного мира, сконструировать, реконструировать и деконструировать все что угодно.

Такой взгляд, однако, выглядит слишком радикальным. Хотя бы потому, что социальное конструирование реальности⁴ нельзя в буквальном смысле уподобить строительству здания. Можно сказать, конечно, что общество – структура рукотворная. Но слишком много рук (и голов) участвует в строительстве, а генерального архитектора, на которого можно было бы все свалить, нет. Возведение самого здания растягивается на века и тысячелетия, представляя собой настоящий вселенский долгострой: иных уж нет, а те далече. Наконец, строительство общества не является полностью преднамеренным процессом. Стопроцентный контроль за происходящим на стройплощадке отсутствует, а фактические результаты работ по созданию общего мира обычно отличаются от ожиданий и планов проектировщиков.

Структуры социальных групп возникают не как [вернее, не только как – Д. П.] результат планирования, а как следствие «незапланированных» действий индивидов, создающих институты. Институты предъявляют требования к людям, определяют их позицию и устанавливают нормы, которым они должны следовать. Это происходит не благодаря какой-то внешней, сверхъестественной силе, а является результатом развития сети социальных отношений между людьми: институты, естественно, накладывают на индивидов ограничения, а также «непреднамеренно» конструируются. <...> Результаты человеческого взаимодействия и, следовательно, движущие силы развития, которые выстраивают рациональность, часто отличаются от того, на что были направлены намерения участников этого взаимодействия. Человеческая история породила институты, «превосходящие то, к чему устремлялись сами люди» [стр. здесь]⁵.

И еще один важный момент: людям как практическим конструкторам социальной реальности приходится иметь дело с раствором, который очень быстро застывает: возникающие, распространяющиеся, укореняющиеся формы отношений кристаллизуются, строительные леса срастаются с самим зданием и диктуют манеру и стиль работы с материалом кладки стен и перекрытий. Опривыченные и рутинизированные практики институционализируются и реифицируются, причем новые рутины и привычки почти никогда не рождаются из ничего, но вписываются в уже существующие институциональные и культурные традиции – точнее, наслаиваются на них. Иначе говоря, люди занимаются конструированием общего для них мира и одновременно живут собственными конструкциями, относясь к ним по большей части так, как будто это и не конструкции вовсе.

Сегодня слово «конструкт» в известных кругах является модным. В России конструктивистскую терминологию распробовали позже и сейчас активно наверстывают отставание (хотя все же Запад по этой части пока явно лидирует). Конструктами объявляется многое: формы рациональности, этикет и манеры, гендер, этнос, телесность, историческая память... В феминистском дискурсе, развивающем с разных сторон принцип Симоны де Бовуар «женщиной не

---

⁴ Разумеется, термины «социальное конструирование реальности» и «конструирование социальной реальности» не являются взаимозаменяемыми во всех возможных смысловых контекстах; они маркируют пересекающиеся, но не тождественные процессы. Первый концепт явно указывает на то, что социально конструируется *не только* социальная реальность.

⁵ Как верно подмечают Лок и Стронг, никто конкретно не планировал капитализм [см. раздел «3. Провидение и непреднамеренные последствия совместных действий»]. И правда, кто? Ни Лютер, ни Кальвин, ни Леон Баттиста Альберти, ни Фуггеры, ни Медичи, ни даже Бенджамин Франклин... Он как-то сам собой получился. (Имеется в виду полустихийный характер складывания нового типа социально-экономических отношений на Западе на рубеже Ренессанса и Нового времени).

рождаются, женщиной становятся», конструктивистская оптика оказывается исключительно востребованной (так, в 1980–1990-е годы в серии «Исследований по социальной конструкции» издательства Sage выходят среди прочего работы «Социальная конструкция нервной анорексии» Дж. Хепворт, «Социальная конструкция лесбийской любви» С. Китцингер). Социальный конструктивизм в своих шокирующих изысканиях добрался до научного познания, в том числе естественнонаучного, и стучится в двери философии; он добрался до тела, вторгаясь в области биологии и медицины. Чем чреват такой экспансионизм?

Но, кажется, все не так уж страшно. Просто вольность обыденного словоупотребления дает о себе знать, сближая поля смыслов, исходящих от слов матрица и конструкт, конструирование, конструктивизм, конструкционизм. Если все (или почти все) есть конструкт, а конструкт ассоциируется с чем-то искусственным, сотворенным, поддельным, ненастоящим, химерическим, надуманным, существующим только в наших мыслях, то земля начинает уплывать из-под ног – и не только у обществоведа, если процесс конструирования не ограничивается рамками мира социокультурных явлений.

Конструкту обычно приписывается специфически дискурсивная природа, то есть он рассматривается как ментальный и/или языковой феномен *par excellence*. Это значит, что конструкт есть в первую очередь то, что мы *думаем* (вместе) и *говорим* о том или ином элементе окружающей нас реальности, «ярлык», словесная маска, надетая на какую-то часть действительности, субъективный образ, миф, стереотип, номинация, фрагмент каталога «подписанных» и «распознанных» объектов, название предмета, а не сам предмет; лингвистически выражаясь, или сигнификат, или знак, но не референт-денотат⁶.

В наших головах живут такие конструкты, и они управляют нашим отношением к вещам и людям: представители «южных» народов, например «кавказцы» импульсивные и вспыльчивые, их мужчины особенно любят блондинок, финны медлительные, флегматичные и дисциплинированные, итальянцы музыкальные, говорливые, активно жестикулирующие, немцы – трудолюбивые и ответственные индивидуалисты, а китайцы – трудолюбивые коллективисты, русские все поголовно пьют водку, челябинские мужики суровые, французы манерные и эстетствующие, все женщины хотят выйти замуж и родить ребенка... А что если нет?! Вдруг конструкты вводят нас в заблуждение относительно действительных свойств социального и природного миров?

Признание чего-то социальным конструктом само по себе полезно с точки зрения «индивидуальной политики свободы», поскольку оно становится «противоядием» от разного рода заявлений, претендующих на статус аксиом: что, мол, те или иные факты (для кого-то, быть может, весьма неприятные и травмирующие) являются неизбежными, требующими примирения и покорности, вытекающими из самой природы вещей, природы человека, духа народа, особенностей групповой психологии («женщине положено подчиняться», «мужчина – охотник, женщина – хранительница домашнего очага», «воровство у цыган в крови», «есть при помощи вилки и ложки, а не руками – правильно», «гомосексуальные союзы противостественны», «русские неисправимы, а Россия неререформируема»⁷...).

Сравнительные социологические, этнолого-антропологические и исторические исследования в этом отношении очень вразумляют, поскольку демонстрируют высокий уровень разнообразия и изменчивости в мире общественных установлений и культурных условностей.

⁶ Само собой понятно, что ментальный ≠ языковой, а *думать* ≠ *говорить* (*называть* тем или иным именем). Однако миры мыслей и слов при всей их нетождественности друг другу равно противопоставлены миру вещей как вершины «семиотического треугольника». Если же считать вещный мир безоговорочно *базовым*, то слова и мысли легко поддаются под (онтологически дискриминирующую их) номинацию *всего лишь* «конструктов».

⁷ Суждения подобного рода принципиально отличаются от суждений типа: «человек смертен», «мужчина не может рожать детей», «с возрастом у людей с нормальным зрением развивается дальзоркость», «молочные зубы сменяются коренными в таком-то возрасте» и т. д.

Вместе с тем отказ от гипостазирования разного рода ненадежных истин в качестве фундаментальных сущностей не отменяет возможного признания закономерного характера их возникновения и бытования как особого рода социально сконструированных феноменов, подлежащих изучению, и готовности к усмотрению их функциональной роли в поддержании упорядоченности потока социальных интеракций в микро-, мезо- и макромасштабах. То есть условности условностями, но без них жизнь идет наперекосяк.

Однако область действия механизмов социального конструирования реальности не ограничена производством феноменов общественного сознания, многим из которых может быть приписан полуфантомный статус. Социально сформированные субъективные картины мира, наполняемые общественным и культурным содержанием системы категоризации и типологизации явлений накладывают отпечаток на человеческую деятельность. Мы конструируем мир не только через мышление, но и через поведение.

Например, гендерная или этническая идентичность не просто витают в головах, транслируются через частные разговоры, газеты, радио и телевидение, циркулируют в социальных медиа, они объективируются в поступках: в решении выбирать брачного партнера в «своей» или «чужой» этнической группе, заводить большее или меньшее число детей, или не рожать вовсе, собирать приданое или калым, приглашать родственников и друзей на свадьбу, в готовности голосовать за националистические партии и выходить на организуемые ими митинги, вступать в столкновения с иноэтничными элементами, вывешивать флаги из окон по случаю памятных исторических дат, посещать мемориальные места, хранить реликвии, учить язык предков, отмечать местные праздники, участвовать в феминистском движении (или не делать всего этого), принимать или отвергать условия традиционного для определенного этапа развития общества гендерного контракта, ходить в традиционной народной одежде и т. д.

Между субъективным и объективным измерениями процессов социального конструирования реальности не существует простой, линейной механики детерминации. Морфология институтов и морфология коллективных представлений не тождественны, но взаимосвязаны. Поэтому общественные институты как исторически сложившиеся устойчивые формы отношений между людьми, состоящие из организованных статусно-ролевых структур, также как и работающие с ними в тандеме системы субъективной ориентации и навигации действия (то что Бурдьё называл «габитусом»), являются продуктом социального конструирования реальности, то есть по сути долгоиграющими социальными конструктами. Они меняются с течением времени вслед за эмерджентными прорывами в человеческом мышлении и деятельности, но в то же время обладают значительной инерцией, консервативной силой и потенциалом самовоспроизводства (разумеется, не без участия людей). Они объективируются и реифицируются, в результате чего «легкий плащ» нередко превращается в «стальной панцирь» («железную клетку»/«Iron Cage»/«Stahlhartes Gehäuse»)⁸.

При таком взгляде на процесс коллективного сотворения общества рождается обоснованное сомнение: так ли велика пропасть между извечно конфликтующими сторонами спора – конструктивизмом и реализмом, то есть теми, кто говорит, что социальная реальность создается (интерсубъективно), и теми, кто утверждает, что она (объективно) существует как бытие *sui generis*?

Это так (если вам так кажется)

В некотором роде провокативная привлекательность, эстетическая прелесть, если угодно, «шарм» конструктивизма как интеллектуального предприятия заключается в том, что он множит (плюрализует) миры, восстает против наивного реализма, корреспондентских теорий истины, взгляда на познание как отражение свойств «действительного» мира, или, быть

---

⁸ См.: [Вебер, 1990: 206].

может, точнее было бы сказать – дразнит реалистов своими антифундаменталистскими и реляционистскими заявлениями. Между делом он занимается изобретением звезд и созвездий⁹ на небосклоне, шокируя астрономов, или ставит под вопрос объективность врачебных диагнозов (особенно психиатрических, но не только), действуя на нервы медикам.

Какая во всем этом интрига? В мире одинаковом для всех было бы скучно жить. Проекций «обживаемого» нами мира, претендующих на теоретическую, логическую, эмпирическую, прагматически-инструментальную обоснованность, может быть если и не бесконечное количество, то, во всяком случае, много, определенно больше одной. Такая установка на создание миров сближает конструктивизм с искусством и не является простым интеллектуальным хулиганством.

Капризная и своенравная принцесса из «Двенадцати месяцев», бывшая весьма нерадивой ученицей, эпатировала своего седовласого наставника, верившего в незыблемость мироздания и объективный характер естественных ритмов бытия, фразами вроде « $6 \times 6 = 17$ », « $8 \times 8 = 3$ », «я издам новый закон природы (чтобы подснежники цвели в декабре)». Конструктивисты отличаются от этой взбалмошной особы: они лишь настаивают на том, что мир видится разным с разных точек зрения, и данным разнообразием оптик восприятия не следует пренебрегать хотя бы во имя ценности полноты его когнитивного и практического освоения.

Для теории искусства мысль, что между фантазией и реальностью грань условна, отнюдь не является новой. Любому художник, перекинув эффектным движением руки шарф через шею и поправив берет, может сказать: «А я так вижу!» И будет по-своему прав. Но то же, в сущности, касается и «обычных» людей.

Однако это не отменяет необходимости как-то «договариваться» относительно приемлемых и коллективно разделяемых способов интерпретации событий и форм упорядочения опытных данных, ибо в противном случае организованное существование рода человеческого было бы невозможным. Достижение минимально необходимого уровня взаимопонимания между индивидами, воспринимающими мир (отчасти сходно, отчасти по-своему) и находящимися в разных точках социального пространства (но способными меняться перспективами¹⁰) является, вероятно, одной из базовых предпосылок социальной жизни как таковой. Индивидуальным конструкторам мира приходится находить общий язык и считаться с аналогичными стратегиями других акторов, а также учитывать естественным образом возникающие правила этой совместной работы (ведь конструирование реальности является именно *социальным* по своей сути).

Плюральность альтернативных картин мира, конечно, обескураживает и нередко становится предметом рефлексии не только в философии и гуманитарном знании, но и в литературе, драматургии, живописи, кинематографе. Несколько лет назад в московском театре Et Cetera Адольф Шапиро поставил пьесу Луиджи Пиранделло с манифестационно конструктивистским названием: «Это так (если вам так кажется)». Общая фабула, сюжет и идейный посыл произведения таковы:

В один итальянский город переезжает семья из трех человек: чиновник, переведенный на новое место по службе, его жена, которую никто толком не видел, и теща, поселяющаяся отдельно от супружеской пары. Теща регулярно навещает жену чиновника (свою дочь?), но не поднимается к ней в квартиру, а остается стоять под окном, жена же выходит для общения на балкон. Все это кажется местному обществу очень странным. Теща и зять оглашают заинтересованным жителям города (как бы по секрету) разные версии семейной ситуации и предшествующих событий. У наблюдателей закрадываются подозрения, что каждый что-то скрывает.

---

⁹ См. по этому поводу статью Нельсона Гудмена с остроумно-шокирующим (реалистов) названием «О создании звезд».

¹⁰ Эта (по-видимому, универсальная) способность, конституирующая intersubъективный человеческий опыт, аналитически описывается в феноменологической социологии при помощи концепта так называемых «идеализаций взаимности перспектив». См., например, в: [Шюц [Шютц], 2004: 15].

Но что именно? Более того, объяснения, предлагаемые чиновником и тещей, подталкивают к предположению, что кто-то из них сумасшедший. Но кто же из двух – он или она?

Любопытствующие местные на протяжении всей пьесы хотят докопаться до *истины*, вывести главных героев на *чистую воду*, узнать *реальные* подробности жизни этой загадочной семьи. Но узнать фактическое положение дел оказывается невозможным, остается лишь поверить интерпретации одного из главных участников, поскольку эти интерпретации противоречат друг другу. Провокационно-конструктивистские высказывания «дядюшки» – Ламберто Лаудизи, – озвучивающего мысли драматурга, лишь выводят из себя пытливых наблюдателей, вызывают раздражение: они хотят *знать правду*, а правда все время ускользает. Идея, что события даны только в интерпретации, отвергается, поскольку лишает их твердой почвы под ногами. Вместе с тем не принимается и классическая интеракционистская, социально-драматургическая формула: мы – разные в разных ситуациях и для разных людей (а слаборефлексирующий индивид исходит из допущения, что он всегда один и тот же, всюду тождественный самому себе).

Действительная картина событий не может быть восстановлена, поскольку дана только в интерпретациях участников и наблюдателей. Но признание этого выводит социальную жизнь из равновесия, так как людям нужно понимание, что же, собственно, произошло «на самом деле». А *на самом деле* как бы и не существует вовсе.

Делает ли такая перспектива окружающий нас мир (как природный, так и социальный) совершенно иллюзорным? Скорее всего, нет. Она лишь усложняет видение мира, включая в себя обзор из разных точек, и обнажает «подпорки», на которых держится платформа нашей совместной повседневной жизни (кажущаяся такой твердой и надежной, а по сути столь уязвимая).

Индивидуально и социально воображаемое не просто парит над ускользающей реальностью или маскирует ее, оно входит в нее как активный конституирующий элемент. «Если ситуации определяются людьми как реальные, они становятся реальными по своим последствиям», – гласит истертая социологическая мудрость (разумеется, не в том смысле, что любые человеческие фантазии и иллюзии легко и просто осуществляются, но в том, что они оказывают влияние на реальный ход происходящих событий, меняя не только их образы в головах, но и фактическое положение дел). В обрисованном контексте новый смысл приобретает фраза, слетевшая с уст советского пионера, по совместительству Санчо Панса, – Васи Петрова, – сетующего на неосмотрительность и донкихотство своего друга Пети Васечкина: «Хоть великан *воображаемый*, зато *реальная* беда!» Опасность, исходящая от мельниц, может быть эфемерной и надуманной, но борьба с ними приносит свои фактические плоды, во многом отличающиеся от планов рыцаря печального образа.

Призрак конструктивизма:

«найти и обезвредить» или «казнить (нельзя) помиловать»?

Следующим неизбежным шагом в «болото» понятийной неопределенности оказывается попытка разобраться в значении (в том числе в сходствах и различиях) терминов-номинаций «конструктивизм» и «конструкционизм». Являются ли эти словесные маркеры синонимами, отчасти накладывающимися, пересекающимися понятиями, или принципиально различными? Стоят ли за ними какие-то конкретные исследовательские направления и традиции мысли? По-видимому, предложить полностью удовлетворительный (и удовлетворяющий всех), исчерпывающий ответ не получится. Но можно, тем не менее, указать на некоторые принципиальные нюансировки, помогающие употреблять указанные термины ответственно и осмысленно.

Во-первых, конструктивизм как архитектурное направление в нашем разговоре можно сразу вынести за скобки – не о нем речь.

Во-вторых, прилагательное «социальный», которое нередко в целях языковой экономии как в устной, так и в письменной речи усекается, является по сути принципиальным: если мы говорим о процессах *социального* конструирования реальности, а также, в более узком смысле, о [социальных] процессах конструирования *социальной* реальности, то на изучение этих сложных процессов претендуют те, кого следовало бы называть именно социальными конструктивистами или конструкционистами (даже если слово «социальный» порой и не произносится).

В сущности, можно говорить о позиции принципиально конструктивистской, где именно социальный характер конструирования реальности не будет выходить на передний план, например, в таких течениях философии или психологии, которые будут анализировать процессы конструирования реальности *в индивидуальном сознании* (и/или в индивидуальной психике) и *индивидуальным сознанием* (и/или индивидуальной психикой), как если бы они разворачивались «в вакууме», то есть если мы намеренно в аналитических целях абстрагируемся от социального контекста изучаемых процессов.

К этой же группе позиций (формально) следует отнести и биологические объяснения, акцентирующие внимание на механизмах работы нервной системы и приспособительных стратегиях поведения, обусловленных нейросоматической конституцией самого живого организма и влияющих на то, как этот организм (определенного вида) воспринимает мир вокруг себя и строит отношения с теми или иными (органическими и неорганическими) элементами окружающей его среды. По меткому выражению Якоба фон Иксюля, «каждое животное окружено различными вещами, собаку окружают собачьи вещи, а стрекозу – стрекозиные» [von Uexküll, 2001/1936, цит. по: данному изданию: 214], а среда организма конструируется его сенсорно-перцептивными способностями.

Опять же: как формируются эти способности, механизмы и стратегии – в процессе ли эволюционного развития вида, состоящего из взаимодействующих особей и популяций, всегда существующих в окружении других видов и в особях, и притом изменяющихся средовых условиях, или как-то иначе – отдельный вопрос, заслуживающий специального рассмотрения, неизбежно выводящий организм из аналитически воображаемой ученым когнитивной изоляции. Образ мира онтогенетически конструируется особью, но по правилам, возникшим и закрепившимся в филогенетической истории вида (то есть в некотором роде «социально», а не «индивидуально»).

Если говорить только о второй половине XX века, то конструирование реальности в схожем ключе истолковывается в таком весьма разнородном междисциплинарном течении, как радикальный конструктивизм (Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик и др.)¹¹, и в частности, в его нейробиологической версии – в теории самореферентных аутопойетических систем У. Матураны и Ф. Варелы¹². Прилагательное «социальный» к этому наименованию обычно не прибавляют.

В-третьих, можно изучать, описывать, анализировать процессы социального конструирования реальности или конструирования социальной реальности, как и конструирования реальности вообще, но не пользоваться подобными словами и выражениями-маркерами, как и (даже тем более) не причислять себя ни к конструктивистам, ни к конструкционистам. Сами указанные терминологемы в философии и социально-гуманитарном знании получили хождение лишь в последние полвека, хотя история корпуса идей, релевантного новейшей конструктивистской повестке, насчитывает не одно тысячелетие и восходит, как минимум, к софистике Протагора и скептицизму Пиррона и Секста Эмпирика. Про человека как «меру всех вещей» многие, конечно, слышаны...

---

¹¹ См. программный для этого направления сборник «Изобретенная действительность» [Watzlawick (ed.), 1985], выдержавший множество изданий, а также качественный русскоязычный обзор и хрестоматию одновременно: [Цоколов, 2000].

¹² См. изложение концепции в полном, но при этом популярном формате в книге: [Матурана, Варела, 2001].

Если не привязываться к конкретным терминам и эпохам, то простор для «ассоциаций» и «реминисценций» широк:

При прочтении текстов новоевропейской философии под определенным углом можно утверждать, что рационалисты и эмпиристы в своих спорах расходились лишь в том, *что* в первую очередь конструирует субъективный образ мира: разум или чувства. Но и то, и другое обладает в значительной степени автономной способностью формировать наше видение мира.

Для Беркли и Юма образ «реальности» создается благодаря впечатлениям и восприятиям (вопрос об «объективном» источнике этих впечатлений и восприятий может быть опущен как «метафизический»). Кантовский чистый разум конструирует реальность при помощи априорных форм созерцания и категорий рассудка, заложенная в человеке эстетическая способность конструирует мир прекрасного и возвышенного, практический разум конструирует мир морали; во всех трех случаях конструирование совершается по особому рода правилам, заключенным в самом субъекте. Эта линия развивается и усложняется в разных школах неокантианства, в том числе в философии символических форм Э. Кассирера.

В классической немецкой философии Я / трансцендентальное сознание / Дух (если переходить на язык конкретных персоналий, потребуются множественные уточнения и оговорки) конструирует не-Я, полагает себя в нем, объективируется, опредмечивается, овеществляется, «овнешняется» в инобытии (мире природы).

В феноменологии Гуссерля интенциональное сознание как «сознание *о [чем-то]*» населяет свой [жизненный] мир объектами и другими Я, организуя опыт субъекта в рамках естественной установки с ее аксиомами, предпосылками и принципом «эпохе». Классики прагматизма и интеракционизма говорят об инструментальных функциях познавательной деятельности, об активности сознания, помещающего данные опыта в удобные и работающие схемы решения проблем. При этом интеракционисты особенно подчеркивают, что эти схемы и модели организации опыта имеют интерсубъективный характер, то есть вырабатываются в процессе коммуникации, сосуществования Я с Другими. Идущий по стопам Гуссерля А. Шютц¹³ описывает базовые «идеализации» обыденного сознания, без которых взаимодействие любого индивида с вещами и людьми было бы обречено на неудачу, и указывает на исключительное значение «типизации» как особой процедуры сортировки, селекции и архивирования информации, образующей наш поток опыта.

Сходные задачи на протяжении всего XX века своими средствами, основываясь на экспериментальной базе, пытались решать психологи: от Ж. Пиаже и Л. С. Выготского до Дж. Брунера и Дж. Келли. Психологи-когнитивисты исследовали, среди прочего, механизмы категоризации, позволяющие людям не утонуть в бесконечном разнообразии фактов, событий, ситуаций, имен, предметов, которые появляются ежедневно на нашем дальнем или ближнем жизненном горизонте, и с которыми приходится постоянно иметь дело, реагировать, приспособляться, как-то ладить, враждовать, любить, игнорировать, манипулировать...

Джордж Келли, сделавший словосочетание «личностный конструкт» центральным в своей теоретической модели, стремился ответить на вопросы:

каким образом люди при помощи этих самых конструктов – как своего рода шаблонов ориентации и способов предсказания событий – организуют свой опыт, почему одни конструкты помогают им жить, а другие мешают, можно ли перестраивать сложившиеся системы конструктов, например, при помощи психотерапевтических процедур.

В ходе решения задач по типизации и категоризации объектов люди применяют не только свои перцептивные и логико-когнитивные способности (умение сравнивать, выделять сходства и различия, искать взаимосвязи, обобщать, прогнозировать и т. д.). Они используют для

---

¹³ В русскоязычной литературе встречаются разные варианты транслитерации фамилии этого исследователя; в данной книге используется написание Альфред Шютц.

этого язык как особую символическую систему. Язык можно считать одним из мощнейших инструментов конструирования реальности, причем инструментом социального происхождения. Можно также без особого риска преувеличения утверждать, что конструктивистским духом проникнута и современная философия языка – от Л. Витгенштейна до Дж. Сёрля¹⁴.

Если картина мира всякой человеческой общности конструируется через язык, а языки бывают разные, то отсюда можно сделать вывод, что образы реальности для носителей разных языков могут отличаться: эта тема обыгрывается в смелых и небесспорных концепциях лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

Уже Канту, в его XVIII веке, было понятно, что познание, в том числе научное, – это не просто отражение. А если даже и отражение, то свой ства зеркала имеют большое значение: то есть то, что в этом зеркале отображается, зависит от отображающего не менее, чем от отображаемого. И это стало еще яснее в XX веке – как до социологической экспансии в область философии науки (например, в конвенционализме А. Пуанкаре и К. Айдукевича), так и после нее (например, в социологии научного знания, в школе Д. Блура, работах М. Малкея, К. Кнорр-Цетины, Б. Латюра, С. Вулгара и др.). Понятийный аппарат, теоретические модели, логика и методология, способы интерпретации, работы с данными и постановки экспериментов – все эти параметры научного труда принципиальны для получаемого исследовательского результата и могут различаться в разных парадигмальных традициях и сообществах ученых. Так, принцип теоретической нагруженности наблюдений говорит нам о том, что ученые не просто достают «голые» факты из кладовой природы или общества, они их сразу же «одевают», упаковывают, фасуют, преподносят коллегам и внешней аудитории, ориентируясь на определенные (часто латентные) правила, принятые в их среде. Поэтому у социологически мыслящих науковедов возникают все основания рассуждать об «эпистемических культурах», «социальной конструкции научного факта», как бы дико это для кого-то ни звучало.

Историки конструкционистской мысли обнаруживают сходные интенции в работах авторов, которых разделяют века, – от Джамбаттиста Вико до Гарольда Гарфинкеля:

...Гарфинкель <...> в конце своей карьеры стал изучать науку как институт <...> Примером его исследований может послужить изучение практики и языка, которые используют астрономы, когда «открывают пульсар». В ходе своих задокументированных наблюдений он отметил, как, используя приборы, научные обозначения, специфическую речь и «институциональную память» астрономии как дисциплины, ученые «открыли» новый пульсар. Если этот пример вызывает у вас негодование, потому что «там», где телескоп «это» нашел, что-то было, обратите внимание, что Вико и большинство дискурсивных мыслителей не утверждают, что «там» ничего нет: просто они предполагают, что смысл явления и даже наши средства его распознавания являются человеческими конструкциями. Не забудем, что Вико говорил: «Давайте оставим полное понимание природы Богу; наша задача как людей состоит в том, чтобы понять, каким образом мы через наши институты создаем свои варианты истины». В примере Гарфинкеля о пульсаре мы видим, как люди расширяют свои институты по мере того, как они именуют и обозначают области собственного опыта. Считать, что такие обозначения должны рассматриваться как единственно и объективно истинные, – это примерно то же самое, как если бы мы считали, что деревья следует рассматривать

¹⁴ Последнему, в частности, принадлежит работа с прецедентным для нас названием – «Конструирование социальной реальности» (*The Construction of Social Reality* [Searle, 1997]).

только как «биологический ресурс», потому что такими их видит один человеческий институт (лесная промышленность) [см. здесь].

Но пригодный для когнитивного и практического освоения мир конструируется любым сознанием – как научным, так и повседневным, и в любую эпоху – у современных людей и у их далеких предков. Более ста лет назад Дюркгейм и Мосс в своей классической работе о «первобытных классификациях» на богатом антропологическом материале показали, как коллективные представления людей, живших в дописьменных обществах, изоморфные социальной структуре конкретной группы (племени, клана, фратрии и т. д.), «размечают», «нарезают» и организуют вселенную аборигена, творя богов, священные объекты, светила, стороны света, населяют ее «своими» и «чужими», дружественными и враждебными элементами, животными, растениями, определяют взгляд на причинность, закономерности жизненного цикла, логику рождения и смерти, здоровья и болезни, в общем – формируют «матрицу» категорий, проецируемую на мир.

А еще много бывает на белом свете конструктивизмов? Эволюционная эпистемология, некоторые версии аналитической философии, уже упоминавшийся радикальный конструктивизм, Нельсон Гудмен, Ром Харре, фуколтианцы и критические дискурс-аналитики, многие социологи-теоретики «первого ряда известности», например, Бергер, Лукман, Элиас, Бурдьё, Гидденс, Гофман, – каждый по-своему и все в разных смыслах¹⁵. Список этих конструктивизмов или *как бы* конструктивизмов, извлекаемых из идейных родословных разных дисциплин, можно расширять и далее.

Для чего, спрашивается, делался этот весьма фрагментарный экскурс? Для того чтобы обесмыслить саму номинацию «конструктивизм/конструкционизм» как слишком широкую, условно покрывающую и лишь поверхностно характеризующую крайне разнородную совокупность авторских теорий, исследовательских направлений и течений мысли (причем характеризующую их только до известной степени)? Пожалуй, все-таки нет!

Действительно, при определенном подходе к делу добрую треть истории философии и социально-гуманитарных наук можно преподнести читателю в конструкционистском ключе, но можно этого и не делать. Из приведенного экскурса вытекает лишь одно: конструкционистские мотивы могут быть обнаружены во множестве теорий, притом в разных областях знания (само употребление терминов, производных от слов «конструкция», «конструкт», «конструировать», не является здесь ни обязательным, ни первостепенным по значимости).

В любом случае термины конструктивизм/конструкционизм не могут употребляться с той же относительной четкостью как, например, такие понятия, как позитивизм, марксизм, фрейдизм, бихевиоризм, интеракционизм, экзистенциализм и т. д., так как они не выступают в качестве названия какого-то конкретного (пускай даже и весьма разветвленного) идейного течения. В данном случае мы имеем дело скорее с термином-рамкой, обладающим предельно растяжимыми границами, и это не значит, что его не имеет смысла употреблять вовсе, как и, наоборот, что его можно употреблять без всякого разбора.

Вполне естественно, однако, что сторонники конструктивизма ведут борьбу за собственную историю. Ярким примером может служить и книга Лока и Стронга. Поскольку в «серьезных кругах», тяготеющих, скорее, к научному реализму, о конструктивизме порой выражаются нелестно, усматривая в нем дань легковесной моде и своего рода интеллектуальное хулиганство, конструктивистам приходится защищаться.

Как мы видели, в случае с конструктивизмом приписываемая ему биография выглядит не менее почтенно, чем нынешнее его состояние. Чем благороднее и солиднее генеалогия, тем лучше: больше оснований для самоутверждения и проще противостоять оппонентам. Список

---

¹⁵ Как было показано выше, в области социологической теории с известными оговорками (при желании) можно быть «конструктивистом» и «структуралистом» одновременно.

классиков и авторитетных персон, которых берут в союзники и у которых вычитывают полезные идеи, влияет на текущий уровень респектабельности конструктивизма как особого стиля теоретизирования и стратегии исследовательских практик.

Конструктивизм versus конструкционизм

Любой заинтересованный читатель или пользователь всемирной паутины, захотевший самостоятельно разобраться в вопросе, чем отличается [социальный] конструктивизм от [социального] конструкционизма, скорее всего, будет разочарован, обескуражен или даже раздражен. Призывы некоторых популярных информационных ресурсов не путать эти понятия способны лишь усилить уровень неудовлетворенности. При этом путаница наблюдается отнюдь не только в русскоязычном сегменте глобального информационного пространства. Во многих случаях данные термины являются фактически взаимозаменяемыми, а в тех контекстах, где это не так, в дело вступают большей частью вкусовые лексические предпочтения. Поскольку история конструктивизма/конструкционизма, в том числе новейшая, напоминает судьбу ребенка, оставшегося на попечении семи нянек, наблюдаются разночтения даже в официальных именах воспитанника.

Психологи, в том числе практикующие, которые стремятся не только изучать процессы социального конструирования реальности, осуществляемого акторами, но и оптимизировать их в интересах своих клиентов и для достижения целей индивидуального психического здоровья, личностного роста, семейной гармонии, организационного развития, повышения уровня взаимопонимания, налаживания коммуникации, разрешения конфликтов и устранения дисфункций в групповых отношениях предпочитают термин «социальный конструкционизм».

Это относится, среди прочего, к некоторым консолидированным сообществам специалистов в указанной области, включающим как теоретиков и методологов, так и консультантов, психотерапевтов и тренеров. Примером такого профессионального коллектива единомышленников, территориально рассеянных по всему миру, можно считать Таосский Институт, вдохновителем создания и «идеологом» которого выступал Кеннет Герген – американский социальный психолог, взгляды которого рассматриваются в одной из глав настоящей книги. Собственно, Энди Лок и Том Стронг являются аффилированными членами этого сообщества и последователями Шоттера и Гергена, поэтому неудивительно, что заголовок их книги содержит именно термин «социальный конструкционизм» – с важным уточнением, что речь в их работе будет идти не только о теории (конструкционизме как сугубо исследовательском направлении), но и о практике в обозначенном выше понимании.

Во многих других случаях и контекстах термины «конструкционизм» и «конструктивизм» оказались перепутанными (без тяжких последствий) и реально накладывающимися друг на друга. Комплексы идей, скрывающиеся за терминами «конструкционизм» и «конструктивизм», как и сами эти собирательные понятия, похожи на сообщающиеся сосуды, стоящие в разных комнатах, но снабжаемые частично из общей, а частично из сепаратных систем водоснабжения. У приверженцев разных версий конструктивизма/конструкционизма разный образовательный бэкграунд, дисциплинарная идентичность, корпус чтения, среда профессиональных контактов. Однако это не мешает ни их диалогу, ни циркуляции ряда ценных идей в трансдисциплинарном интеллектуальном поле.

Правильной, единой, сквозной трансляции терминов «[социальный] конструктивизм» и «[социальный] конструкционизм», осуществляемой при переводе с одного языка на другой и обеспечивающей четкое понятийно-лексическое различие/несмешение первого и второго, не существует. Многолетние наблюдения за бытованием этих двух слов в языке российских гуманитарных наук свидетельствуют, на наш взгляд, о доминировании термина конструктивизм, ставшего более привычным и узнаваемым для отечественных читателей (видимо, хотя бы

частично из-за большей распространенности определенных переводческих решений) и, соответственно, более употребимым.

На самом деле наличие или отсутствие прилагательного «социальный» в обсуждаемой паре является весьма принципиальным. Хотя нередко в тех или иных контекстах это слово пропускается для обеспечения емкости письма и речи (как бы «проглатывается», остается невидимым, но предполагается – как само собой разумеющееся). Тем не менее, если разговор ведется на меж-или трансдисциплинарном уровне, такая терминологическая экономия может обернуться не(до)пониманием. Потому что именно определение «социальный» маркирует различие между формами конструктивизма/конструкционизма, ведь их *социальные* версии заметно отличаются от тех, что рассматривают конструирование реальности как специфически когнитивный, психологический или нейробиологический процесс, протекающий на уровне индивида, отдельной особи.

И наконец о книге Э. Лока и Т. Стронга

Предлагаемая книга знакомит читателя с вкладом теоретиков и школ, на разных этапах формировавших идейный фундамент социального конструкционизма как «парадигмы»¹⁶ в социальных и гуманитарных науках. Почему именно конструкционизм? Энди Лок и Том Стронг убеждены в его эвристическом потенциале для анализа человеческих обществ в условиях культурных столкновений и недопонимания, вызванных глобализационными процессами.

Данная книга – своего рода гид по ключевым концепциям, теоретически или методологически развивающим конструкционистское понимание социальной реальности. На этом пути встречаются философы (притом совершенно разных направлений), психологи, социологи, историки, языковеды и биологи, хотя основной упор делается все-таки на предметном поле психологии. Оба автора специализируются в названной сфере и представляли на момент выхода книги соответствующие департаменты университетов Новой Зеландии и Канады – регионов хоть и культурно близких, но нанесенных почти на диаметрально противоположные участки глобуса. И действительно – сам конструкционистский дискурс сегодня является в некотором смысле мировым духовным поветрием.

Именно нуждами психологии как «материнской» для авторов дисциплины продиктованы две основные задачи книги. Авторы, с одной стороны, стремятся к корректировке ряда упрощенных, по их мнению, механистических представлений о человеке и человеческой деятельности, а с другой – пытаются показать, как конструкционистские идеи могут помочь преодолеть проблемы современной психологической исследовательской практики. Семнадцать глав книги решают означенные задачи в диахронном режиме. При этом попутчиками авторов становятся Дж. Вико, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, А. Шютц, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр, М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Дж. Г. Мид, Я. фон Икскуль, Л. Витгенштейн, Г. Бейтсон, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Э. Гидденс, Н. Элиас, М. Фуко, Р. Харре, Дж. Шоттер, супруги К. и М. Герген и другие.

Можно спорить о представительности этого яркого списка, но нет сомнений – имена подобраны со вкусом и... знанием дела. Адресация к такому разносортному и мультидисциплинарному интеллектуальному иконостасу обеспечивает широту экспозиции темы и заставляет читателя лишний раз убедиться в том, что «призрак» конструктивизма/конструкционизма (совершенно независимо от употребления или неупотребления этого «трудного», семантически нечеткого термина как особой концептуальной номинации) на сцене исторической эво-

---

¹⁶ Вопрос о том, может ли социальный конструкционизм считаться «парадигмой» (в специально науковедческом/«куновском» смысле), разумеется, является дискуссионным. Далее – в финальном разделе этого предисловия, где речь пойдет уже конкретно о книге Лока и Стронга, – мы будем употреблять по преимуществу термин «социальный конструкционизм» (а не конструктивизм), следуя за авторами, использующими его как ключевой концепт.

люции социально-гуманитарного знания является персонажем отнюдь не новым и весьма влиятельным. Главное же для комментатора и/или внимательного читателя – способность распознавать конкретные инкарнации упомянутого многоликого «призрака», умение вытаскивать его за хвост из пучины истории идей и атрибутировать его специфические характеристики.

В период написания книги Энди (Эндрю) Лок работал в университете Мэсси, а Том Стронг – в университете Калгари. Территориально соавторов разделял тогда немалый Тихий океан; теперь, правда, их разделяет уже океан Атлантический, поскольку один из авторов перебрался в Португалию¹⁷. Но единомышленникам бывает и море по колено, ведь им нужно держаться вместе. Психологи-конструкционисты, вероятно, сравнительно более консолидированы, чем их коллеги из смежных дисциплин, в которых симпатизирующие конструкционистским идеям распределены более диффузно. И это потому, что они находятся в меньшинстве – даже если назвать их «сектой» было бы некоторым преувеличением. Чтобы эффективнее противостоять мейнстримным течениям в психологической науке и бороться с академическим истеблишментом, важно, среди прочего, «читать предков» и усиливать собственные позиции через обращение к наследию друзей и соседей по академическому миру, даже имеющих или имевших другую дисциплинарную идентичность.

Представляемая здесь родословная конструкционизма написана психологами, и, по видимому, адресована главным образом психологической аудитории. Если бы она была написана, скажем, социологами или философами, акценты в ней были бы расставлены по-другому, набор имен и распределение материала были бы иными. Но это не значит, что перед нами книга по психологии. Среди героев исторической хроники конструкционизма, созданной Локом и Стронгом, психологов не так уж и много. Сами авторы «летописи» – убежденные конструкционисты, связанные со школой Гергена – Шоттера, поэтому книга носит в некотором роде апологетический характер: они не просто рассказывают о своем предмете, но агитируют за конструкционизм, причем конструкционизм вполне определенного толка.

Отбор фигурантов «[оправдательного] дела о конструкционизме», осуществляемый авторами, связан с их особыми предпочтениями, кругом чтения и во многом навеян – если угодно, вдохновлен – Дж. Шоттером и К. Гергеном как своего рода старшими товарищами, учителями и наставниками. Сами Лок и Стронг, сетуя на то, что книга и так получилась слишком объемная, честно признают: за бортом остались многие и многое – концепции постколониализма (Э. Саид, Х. Бхабха), феминизма (Дж. Батлер, Ю. Кристева) и постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр), Ж. Деррида, критическая теория Франкфуртской школы.

Говорить об «исчерпывающей» полноте галереи, видимо, не стоит. В линии прагматизма – интеракционизма выбор пал на Джорджа Герберта Мида, хотя в сходном ключе можно было бы анализировать работы У. Джемса (из категории философов и психологов) или Ч. Х. Кули (из категории социологов). Приятным сюрпризом для отечественного читателя может стать оценка вклада российской науки: на страницах книги рассматриваются воззрения Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, а также идеи менее известного ученого бахтинского круга Валентина Волошинова, изложенные в работе «Марксизм и философия языка» и критическом очерке о фрейдизме. Авторы обходят стороной, то есть обходятся без корневой для современной психологии когнитивистской линии Ж. Пиаже – Дж. Брунера – Дж. Келли, а также без П. Вацлавика и связанной с ним междисциплинарной группы «радикальных конструктивистов» (хотя творчеству Грегори Бейтсона, сотрудничавшего с Вацлавиком, посвящена целая глава). Среди биологов предпочтение отдается Якобу фон Иксюлю (кстати, выходцу из Российской империи). Хотя на его месте могли легко оказаться Умберто Матурана и Франциско Варела или не такой «шокирующий», но не менее авторитетный Конрад Лоренц.

---

¹⁷ В настоящее время Энди Лок – научный сотрудник Лаборатории прикладной эволюционной эпистемологии факультета истории и философии науки Лиссабонского университета.

Феноменологическая традиция представлена стандартно, однако до обстоятельного обсуждения социально-конструкционистского теоретического синтеза, предложенного Бергером и Лукманом, дело не доходит. Отбор крупноформатных социологов происходит на букву «Г» (по принципу заглавной литеры), хотя отбор весьма достойных: Гарфинкель, Гофман, Гидденс. В этой компании явно не хватает П. Бурдьё¹⁸, хотя его отсутствие отчасти компенсируется изложением взглядов М. Фуко и критических дискурс-аналитиков. Все это мы, естественно, отмечаем не в плане критики, но лишь чтобы обозначить лакуны.

Этот идейно-концептуальный калейдоскоп, проецируемый на страницах книги, выглядит впечатляюще, поскольку задачу вычитать из наследия столь непохожих друг на друга ученых и мыслителей релевантные современным дискуссиям конструкционистские мотивы отнюдь нельзя считать тривиальной. И для этого не надо доказывать, что, мол, М. Хайдеггер или М. Бахтин, Н. Элиас или Г. Бейтсон были «на самом деле» образцовыми/закоренелыми конструкционистами.

**«Благородные истины» социального конструкционизма.
Стремление к диалогу или раскачивание лодки?**

Чем же является социальный конструкционизм для Лока и Стронга, на каких основаниях он держится? Конструкционизм – не единая школа, а «конгломерат подходов», скрепляемых, однако, «каркасом» взаимосвязанных положений, которые можно эксплицировать следующим образом.

Во-первых, человеческая деятельность содержит «неустранимое» смысловое измерение. Говоря в шютцеанской манере, реальность человеческой жизни есть «мир, светящийся смыслом». Циркулирование *смыслов* в этой реальности предполагает возможность их *понимания*, а сами они фиксируются на языковых носителях, то есть даны нам и другим похожим на нас существам в формах языка как особой символической системы.

Во-вторых, «смысл и понимание возникают в процессе социального взаимодействия» [см. [здесь](#)]. Трансляция смыслов (с многочисленными оговорками) оказывается возможной благодаря установлению определенного уровня *согласия* по поводу того, что понимать, как и каким способом. Иначе говоря, процессы обращения смыслов в мире культуры носят принципиально интерсубъективный, то есть социальный характер.

В-третьих, «в силу того, что способы создания смысла изначально заложены в социокультурные процессы, они специфичны для конкретных исторических периодов и территорий. Таким образом, значение тех или иных событий, то, как мы их понимаем, может различаться в разных ситуациях» [ibid.: 60]. Это значит, что фрагменты интерсубъективного человеческого опыта – формы обыденного и теоретического знания, обычаи, традиции, верования, институты – являются в высокой степени исторически вариативными (в диахронной оптике) и весьма дифференцированными (в синхронной).

Как учил провозвестник конструкционизма Дж. Вико, к позабытой мудрости которого авторы постоянно апеллируют: «к пониманию людей, того, что они делают и творят, следует подходить с учетом условий и практик, которые соответствуют их месту в их мирах, а не с точки зрения каких-либо общих стандартов и непреходящих принципов» [ibid.: 73–74].

Языки, как и культуры, бывают разные, хотя это и не следует понимать в духе абсолютного релятивизма (типа шпенглеровского). Адекватное познание смысла сделанного и сказанного потенциально возможно, но прежде всего в рамках конкретного социально-исторического «здесь и теперь». Множественность и разнообразие культурно сконструированных кодов, паттернов и языковых правил нередко приводит в замешательство участников социального, в том

---

¹⁸ Неслучайно ведь интегральный подход Бурдьё к изучению социальной реальности именуется генетическим (или конструктивистским) структуриализмом.

числе речевого, взаимодействия. Трудности, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, эмпирически наглядно свидетельствуют о подобной плюральности норм и традиций, социально легитимированных привычек и обыкновений.

Иллюстраций здесь можно приводить тысячи. Пара примеров от авторов книги. Китайские руководители хотели накормить Ричарда Никсона лучшими кусками блюда из общей тарелки, но американский президент почему-то воспротивился, не оценив проявленного к нему высокого уважения. Прилагательное *bad* в одном и том же, казалось бы, английском языке, но в разных ситуационных контекстах и лингвокультурных средах может означать противоположные вещи, и лишь компетентный считыватель смыслов – практический пользователь арсеналов символических систем – в состоянии определить, похвалили или отругали в конкретном случае применения словесной формы человека, унизили или превознесли. Девушка, назвавшая своего приятеля в разговоре с подругой «настоящим плохим парнем», вероятно, сделала ему комплимент (хотя точно можно сказать, только учитывая весь комплекс сказанного, подразумеваемого, обстоятельства)¹⁹.

В-четвертых, из предыдущих пунктов вырастает «антиэссенциалистская» установка конструкционизма: «Если люди формируют себя в рамках изменяющихся социокультурных традиций, то они способствуют созданию дискурсов, которые они используют для определения самих себя. Таким образом, люди – это самоопределяющиеся и социально сконструированные в рамках их совместной жизни участники процесса» [ibid.: 60]. Рассуждения о «сущности» человека, его «неизменной природе» всегда настораживают конструкционистов. Человеческая природа, что бы ни означало это содержательно мало определенное понятие (потребности, склонности, пути и механизмы их удовлетворения и реализации), весьма пластична. Здесь уместно сравнение с глиной: в самой структуре глины не заключено, что из нее будет вылеплено – амфора, горшок или детская игрушка. В этом смысле, «собой люди могут быть по-разному».

И, наконец, **в-пятых**, для конструкционизма характерна более или менее явно выраженная «критическая ориентация» как специфическая особенность взгляда на социальный мир. Она связана с пониманием того, что этот мир, в отличие от мира природы, мог бы быть другим, поскольку он в конечном счете творится людьми. основополагающий принцип «Новой науки о природе наций» Дж. Вико гласит: история творится самим человеком. В любых исторически сложившихся формах человеческих отношений – не только на уровне институтов, но и на уровне дискурса, в символических системах – воспроизводятся определенные структуры власти и доминирования, одни индивиды и группы в этих институциональных и языковых играх (и битвах) выигрывают, другие – проигрывают, находясь обычно в неравных условиях. И никакой из подобных раскладов сил нельзя считать данным «на веки вечные».

Позиция конструкционизма вполне согласуется с принципами «критической» теории, противопоставляющей себя теории «традиционной» (в терминологии Хоркхаймера и Маркузе). Нет великого блага в том, чтобы просто объяснять хитросплетения клубка социальных отношений! Поэтому не только старик Карл и сотоварищи с их одиннадцатым Тезисом, но и конструкционисты хотели бы изменить мир к лучшему...

Конечно, не для всех персонажей истории, описываемой Локом и Стронгом, будут в полной мере верны все пять из озвученных «благородных истин». Это всего лишь идеализация

---

¹⁹ В связи с этим вспоминается аналогичный пример из недавней истории корпоративного неформального языка сотрудников одного российского академического института: на жаргоне наиболее авторитетных его работников, которых нельзя было заподозрить в хамстве или фамильярности, ситуативно корректно употребленное слово «придурок» означало высшую степень похвалы, и приравнивалось по смыслу к развернутому выражению «человек, истинно и безоговорочно преданный науке». И все посвященные легко схватывали смысловой посыл этой игры слов, поскольку фактически обладали навыками «правильной» символической кодировки элементов социального миропорядка, использовавшейся в данной среде (несмотря на кажущуюся рассогласованность некоторых принятых в ней практик словоупотребления с усредненными нормами использования конкретных семантических единиц в более обширном языковом поле).

картины, а дьявол и бог, как известно, проявляются в мелочах, то есть детали в рассматриваемых подходах имеют значение, и ими не следует пренебрегать.

Например, из идеи исторической относительности (релятивности) любых правил еще не следует с необходимостью целесообразность их разрушения. Конвенциональный и дискурсивный характер социальных норм (языка, морали, права, этикета, приличий и т. д.) не делает их бессмысленными. Если мы признаем условность, социально-культурно-историческую обусловленность, вариативность, сконструированность чего-то, то это не значит, что мы предлагаем это уничтожить. Мир держится на условностях – это нормально, как и нормально, с другой стороны, что эти условности могут со временем меняться.

Не раз подчеркивалось, что отсутствие эффективно работающих форм регламентации человеческих действий и соответствующих им систем субъективной мироориентации в сознании акторов мгновенно превратило бы социальную жизнь рода человеческого в кошмар, очень похожий на состояние гоббсовской войны «всех против всех». Именно поэтому приходится говорить о стремлении к согласию и поиске взаимопонимания как фундаментальных (хотя и все время норовящих ускользнуть) предпосылках социального порядка, организованного человеческого общежития как такового. Поэтому логика аргументации социального конструкционизма может быть как «революционно», так и «консервативно» ориентированной. А герой восьмой главы книги – Людвиг Витгенштейн, – напомним, заявлял, что философия должна «оставить все как есть».

Лок и Стронг, идущие по стопам К. Гергена, подчеркивают близость многих стартовых устремлений конструкционизма и постмодернизма. Симпатии к постмодернизму как к широкому идейному течению в конструкционистских кругах объяснимы. Если представлять идейную полемику последних десятилетий очень грубо, можно констатировать: конструкционисты и постмодернисты, упрекаемые их оппонентами в релятивизме и стремлении к подрыву основ мироздания, – на одной стороне баррикад; реалисты и эссенциалисты, упрекаемые в свою очередь их противниками в фундаментализме и попытках консервации статус-кво (кишащего всевозможными проявлениями социальной несправедливости, явной или скрытой) под видом борьбы против анархии и защиты «естественного порядка вещей», – на другой стороне.

Как замечает Кеннет Герген, «авторитетные заявления о природе мира сейчас повсеместно ставятся под сомнение; примеры „социальной конструкции чего-либо“ повсеместно подчеркивают культуральное и историческое значение того, что иначе считалось бы само собой разумеющимся» [Герген, 2016: 19–20]. А его супруга Мэри призывает «ставить под сомнение – но не отрицать – все лингвистические категории, и в особенности противостоять укоренению универсальных, вневременных категорий, включая гендерные» [Gergen, 2001, цит. по данному изданию: 416]. Однако стремление к диалогу в этих трудных условиях «конца гран-нарративов» должно лишь обостряться. В современном глобализированном мире ни у кого нет исключительного права на обладание истиной. «В условиях постмодернизма личности существуют в состоянии постоянной конструкции и реконструкции; это мир, в котором возможно все, о чем можно договориться» [Gergen, 1991, цит. по данному изданию: 412–413]. И договариваться, увы, приходится.

Мы уже попытались показать, что [социальный] конструкционизм и [социальный, научный] реализм в логическом, эмпирическом, прагматическом, моральном отношениях не непримиримы. (Как бы) «субъективные» социальные конструкты и (как бы) «объективные» социальные структуры сделаны из одного и того же материала, хотя и данного нам в отчасти несходных агрегатных состояниях: чувств, мыслей, суждений, настроений, слов, переходящих в поступки и обратно, поступков, переходящих в слова, представления, мнения, эмоции. В обоих случаях этих взаимных переходов наблюдается рутинизация, кристаллизация и институционализация социального вещества.

Социальные конструкты только «объективируясь» могут выступать в качестве более или менее надежного средства согласия и связующей силы в ситуациях интеракции. Если мы хотим чего-то вместе добиться, надо как-то координировать совместную деятельность, например, через принимаемое по умолчанию (или специально обсуждаемое) единообразие используемых в практической жизни знаковых форм и норм: если вы пилот, вам надо говорить с авиадиспетчером на одном профессиональном языке, в противном случае вы рискуете спровоцировать катастрофу²⁰.

Конструкционистский и реалистский дискурсы в практической жизни сосуществуют, пересекаются, расширяя границы друг друга. Герген находит удачные образы для подтверждения такой взаимосвязи:

Самые ярые конструкционисты будут полагаться на реалистскую традицию, когда будут учить своих детей «вот это – собака» и «вон то – кошка». И если бы конструкционист увидел, что его дом горит, и закричал «Бегите, пожар!», он вряд ли захотел бы, чтобы его семья посмотрела на него с подозрением и ответила «Ох, это всего лишь твоя конструкция происходящего». Конструкционист хотел бы, чтобы его предупреждение восприняли согласно реалистским условностям.

Подобным образом те, кто принял принципы реализма, часто обращаются к арсеналу конструкционистских аргументов. Захотел ли бы самый преданный реалист убрать из своего репертуара такие разговорные ходы, как «Это лишь твоя версия», «Это культуральный миф», «Они все выдумывают», «Этот новостной репортаж искажен в пользу государства» и «Ты слишком жестко об этом высказываешься»? Даже эмпирик, не знакомый с конструкционистской теорией, может захотеть сказать: «Учитывая их теоретические убеждения, я могу понять, как они пришли к такому выводу» или «Физика, биология и психология являются разными способами концептуализации мира» [Герген, 2016: 42].

Возобновляя Methodenstreit: линия Вико против линии Декарта

Весьма сензитивной тематической областью для психологов-конструкционистов оказывается сфера методологической рефлексии, что отчасти можно объяснить их «уязвленным» положением в структуре профессионального сообщества: они если и не откровенные аутсайдеры, то, по крайней мере, ощущают себя находящимися в оппозиции к доминирующей исследовательской традиции в психологической науке. Никто из ученых не хочет чувствовать себя оттесненным на периферию развития своей научной отрасли.

В связи с этим Лок и Стронг неоднократно вспоминают знаменитый «спор о методе», так называемый Methodenstreit. В конце XIX века в методологии еще сравнительно молодых социальных и поведенческих наук наметился раскол. Сама усиленная методологическая рефлексия того времени стала, с одной стороны, естественной реакцией на эмансипацию наук о человеке от философии, уже частично состоявшуюся, а с другой – на искушения, которые нес с собой позитивизм.

В головах озабоченных методологическими проблемами человеко-и обществоведов вырисовывались две стратегии – конечно, не реальные, а, скорее, идеально-типические.

Либо науки о человеке и обществе идут по пути естествознания, стремясь во всем походить на Naturwissenschaften (науки о природе). Это позитивистски-натуралистическая линия, «объективистская», номотетическая, универсалистская, «объясняющая». Социальные, культурные, психические, исторические феномены рассматриваются как подобласть царства меха-

---

²⁰ Здесь мы воспроизводим пример, приводимый Гергеном [Герген, 2016: 45].

нической причинности. Использование математических методов, моделей, измерений всего и вся приветствуется. А почему бы, в самом деле, их не применять, если человек – машина? В психологии оформляется бихевиоризм – взгляд на человека как на сложноорганизованную лабораторную крысу.

Либо нужно идти каким-то другим путем: своим, особенным, сохраняя самобытный статус *Geisteswissenschaft* (науки о духе), или, как вариант – *Kulturwissenschaft* (науки о культуре). Это «субъективистская», гуманистическая, интерпретативная, герменевтическая, историчистская, идиографическая линия. Наука погружена в конкретную культуру, общих законов не выводим. Свой предмет не «объясняем», а пытаемся «понять»/истолковать, изучаем субъективное смысло-и целеполагание, практикуем либо эмпатию (вживание), углубленное историко-психологическое описание и толкование феноменов культуры (В. Дильтей), либо сложную рациональную реконструкцию социально и культурно обусловленных мотивов акторов и/или распутывание конкретно-исторических констелляций, образуемых комплексами ценностно окрашенных человеческих действий и порождаемых ими социальных отношений (М. Вебер).

Еще раз подчеркнем: это лишь воображаемые крайности, поскольку реальным исследовательским практикам в области наук о человеке обычно удавалось просачиваться между вставшими на их пути твердынями, комбинировать подходы и аналитические стратегии, исходя из текущих познавательных нужд.

Но все же спор о методе задавал определенные ориентиры. Экономисты, например, в основной массе (хотя и не все) предпочли первый из очерченных путей. Психология – тоже, правда, с гораздо меньшей категоричностью (исключений множество) – сделала выбор в пользу натурализма-сциентизма. Путь подражания естествознанию стал столбовой дорогой для продвижения большинства исследовательских инициатив и проектов в области социально-поведенческих наук, особенно проектов коллективных и эмпирических, требовавших мощной институциональной поддержки со стороны университетов. Так сформировался академический мейнстрим. Флагманом и образцом здесь на протяжении последнего столетия оставались исследовательские структуры Соединенных Штатов.

Но существовали и те, кто остался вне мейнстрима, причем вполне сознательно, и социальные психологи-конструкционисты относятся к данной категории. Обрисованная ситуация в чем-то напоминает сценарий ссоры «большевиков» и «меньшевиков»: первые оказались в большинстве и взяли власть, вторые остались в меньшинстве, став в истории движения своего рода укором для победителей.

В социологии картина складывалась отчасти похожая, но все же менее драматичная. Разные версии методологических сциентизмов – как теоретического, так и эмпирического покроя – доминировали в мировой, и прежде всего американской социологии, но это никогда не приводило к исчезновению многочисленных методологических альтернатив. Например, последние десятилетия наблюдается настоящий бум так называемых «качественных исследований», а их производители и поклонники не выглядят как затравленное научным истеблишментом меньшинство. Качественники, конечно, не победили количественников, и вряд ли им это удастся в обозримой перспективе, но в социологии сегодня они отнюдь не «в загоне».

Однако в теоретическом и историческом ракурсах важны аргументы спора между доминирующей и конкурирующей с ней, альтернативной методологическими стратегиями. И здесь психологи-конструкционисты используют ходы и фигуры, похожие на те, что неоднократно применялись в интерпретативной социологии – в частности, в социологии знания.

Весьма примечательный (и небесспорный для историка науки) факт: Лок и Стронг выводят магистральную методологическую линию, укрепившуюся в социальных науках, из наследия Декарта, а противостоящую ей, которую, по их мнению, развивают конструкционисты, – из наследия Вико. Неаполитанский мыслитель предстает в книге как подлинный прародитель кон-

структурионизма. «Современный интеллектуальный ландшафт выглядел бы совершенно иначе, если бы он был сформирован последователями Вико, а не последователями Декарта», – сетуют авторы книги [см. [здесь](#)]. Позже они уточняют:

...существует контртрадиция, находящаяся в оппозиции взглядам, устоявшимся в психологическом мейнстриме. <...> Она предоставляет более подходящие рамки для концептуализации и исследования насыщенной смыслами реальности человеческого существования, нежели доминирующая традиция. Наша исполненная значениями реальность гораздо более «беспорядочна», чем внушают нам наследники Декарта, и гораздо более таинственная [Ibid.: 476].

Спрашивается, чем же так плох Декарт²¹ и какие претензии можно предъявить картезианской модели научного знания? Взгляд декартовской науки на мир высокомерен, монологичен и авторитарен: есть познающий субъект и распростертая перед ним реальность, одна и та же, неизменная, которую он препарировывает в своем мышлении при помощи определенного «стерильного» инструментария. Математика в этом смысле стерильна и универсальна, но способна своей стерильностью убить все живое, к чему прикасается. Субъект отделен от своего объекта идеально прозрачной пуленепробиваемой перегородкой²². Но «понятие Декарта о неопровержимой, объективной истине в единственном числе» с современной точки зрения не выдерживает критики, и ему конструкционисты противопоставляют позицию Вико: «истина кроется внутри человеческих институтов и существует во множественном числе» [ibid.: 79].

Более развернуто эту позицию авторы выражают в следующих словах:

Как мы вообще могли прийти к такому убеждению, что может существовать истина в единственном числе, когда истины, относящиеся к человеческим институтам, столь же разнообразны, как культуры, науки или даже семьи? Там, где Декарт видит одну всеобъемлющую, абсолютную истину, Вико видит множество истин, и все они встроены в созданные людьми и исторически обусловленные общественные отношения. <...> Вико призывает нас принять сложность человеческих смыслов и их относительность и не покушаться на манящую внешним изяществом внечеловеческую рациональность Декарта. Декарт заявил одну созданную человеком модель рациональности как ту единственную, посредством которой знание «должно» быть познано. Вико взглянул вокруг и обнаружил

---

²¹ Использование авторами книги именно фигуры Декарта как своего рода «мальчика для битья» может вызывать возражения и является во многом условным (на его месте мог бы оказаться кто-то другой). То же, впрочем, верно и в отношении его позитивного антагониста – Вико. Так, проводником и помощником в нелегком деле интерпретации авторами аутентичного наследия Вико становится Исая Берлин. С другой стороны, Декарта с его *ego cogito* также можно считать провозвестником ряда конструктивистских идей. Неудивительно поэтому, что одна из ключевых работ Эдмунда Гуссерля получила название «Картезианские медитации». Хотя Декарт, конечно, не был предтечей именно *социальной* или *социологической* версии современного конструктивизма.

²² Собственно, претензии к Декарту не новы: радикальное разведение субъекта и объекта, осуществленное на заре Нового времени в картезианской модели науки, может рассматриваться как метафизическая предпосылка для обоснования безграничной власти Субъекта над *всего лишь* объектом – миром вещей, неодушевленной природой, протяженной материей. И гордый человек-субъект нередко сам попадает в разряд «объектов», по собственному недосмотру и/или чужой инициативе. Конкретные люди и социальные общности (те, кому почему-то не повезло) всегда рискуют быть записанными кем-то из собратьев по разуму в категорию «недостаточно разумных», не дотягивающих до права выступать в роли полноценных Субъектов. Тем самым они обретают статус пассивных элементов предметного мира, подлежащих манипулированию, управлению, направлению, обработке, формовке, принудительной организации, координации, регламентации – технологическим воздействиям, проводимым в соответствии с логикой инструментальной рациональности во имя каких-то «высоких» ценностей, например, прогресса, национальных интересов, партии, народа, государства, отечества, будущих поколений, народного хозяйства, рынка, эффективности, продуктивности, результативности, скорости, инноваций, максимизации показателей, повышения конкурентоспособности и т. п.

множество моделей, возникших в процессе культурного и исторического развития [Ibid.: 80].

Соотечественник и младший современник Декарта Блез Паскаль еще до рождения Вико заметил, что «истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую» (правда, высказывание это содержало явный иронически-саркастический подтекст).

Мотивы критики здесь хорошо узнаваемы. Для представляемой Локом и Стронгом части профессионального сообщества программными произведениями являются очерк Дж. Шоттера «Что значит быть человеком?» (1974) и статья К. Гергена «Социальная психология как история» (1973)²³. Предмет социальных наук глубоко историчен, поэтому универалистские амбиции картезианской методологии, имплантируемой в те или иные разделы обществознания, постоянно дают сбой. Более того, если не существует вневременных, универсальных способов когнитивного и практического освоения мира, тогда привилегированный статус науки как такой формы знания, которая ошибаться не может (если мы все правильно сделали: посчитали, замерили, изучили, проанализировали), улетучивается. Наконец, индивид, актер, пациент, клиент, респондент, информант, интервьюируемый, член контрольной или экспериментальной группы или любой другой социальной общности не является всего лишь «тривиальной машиной» (оборот Х. фон Фёрстера²⁴), он чувствует себя «не номером, но свободным человеком», и не без оснований.

Модель универсального научного знания как продукт абсолютизации методологического опыта точных наук возникла в определенный период истории, а именно в эпоху раннего Нового времени в Западной Европе, и имела специфические социокультурные корни. На протяжении многих столетий, предшествовавших этой эпохе, человек не мог отважиться на такую «вселенскую дерзость». Гипертрофированный индивидуализм культуры нарождающегося модерна сделал человека – носителя научно-технического разума властелином мира, способным не только открывать его законы, но и использовать полученные знания как орудие его покорения. У названного идейного прорыва было множество следствий, как позитивных, так и негативных, и он во многом повлиял на формирование того общественного космоса, в котором проживают свои жизни современные люди. Но сам факт социально-исторической укорененности, и в этом смысле «относительности», картины мира картезианской науки вполне очевиден не только для новейших психологов-конструкционистов, но и, например, для классиков социологии знания – Карла Мангейма и Макса Шелера, – о которых, кстати, Лок и Стронг не рассказывают.

* * *

Зачем сегодня читать книгу о социальном конструировании реальности и устройстве «матрицы» общественной жизни? Вопрос, во многом, риторический. С профессиональной и дидактической точек зрения, совместная работа «трансокеанского» альянса психологов представляет собой хоть и не исчерпывающее, но, как минимум, проблемно и тематически полихромное «Введение в социальный конструкционизм», и знакомство с ней может быть полезно как для действующих специалистов в области социальных исследований, так и для тех, кто еще учится. А с общемировоззренческой позиции, конструкционистские метафоры и описания социальной жизни помогают не только оценить вездесущность и виртуозность работы окружающих и вписанных в нас структур, их упрямый, «фактический» характер, но и осознать, что мы сами производим их на свет, и гибкость данного процесса может быть весьма значительной. И это отчасти сглаживает, хотя и не снимает полностью, то фундаментальное напряжение,

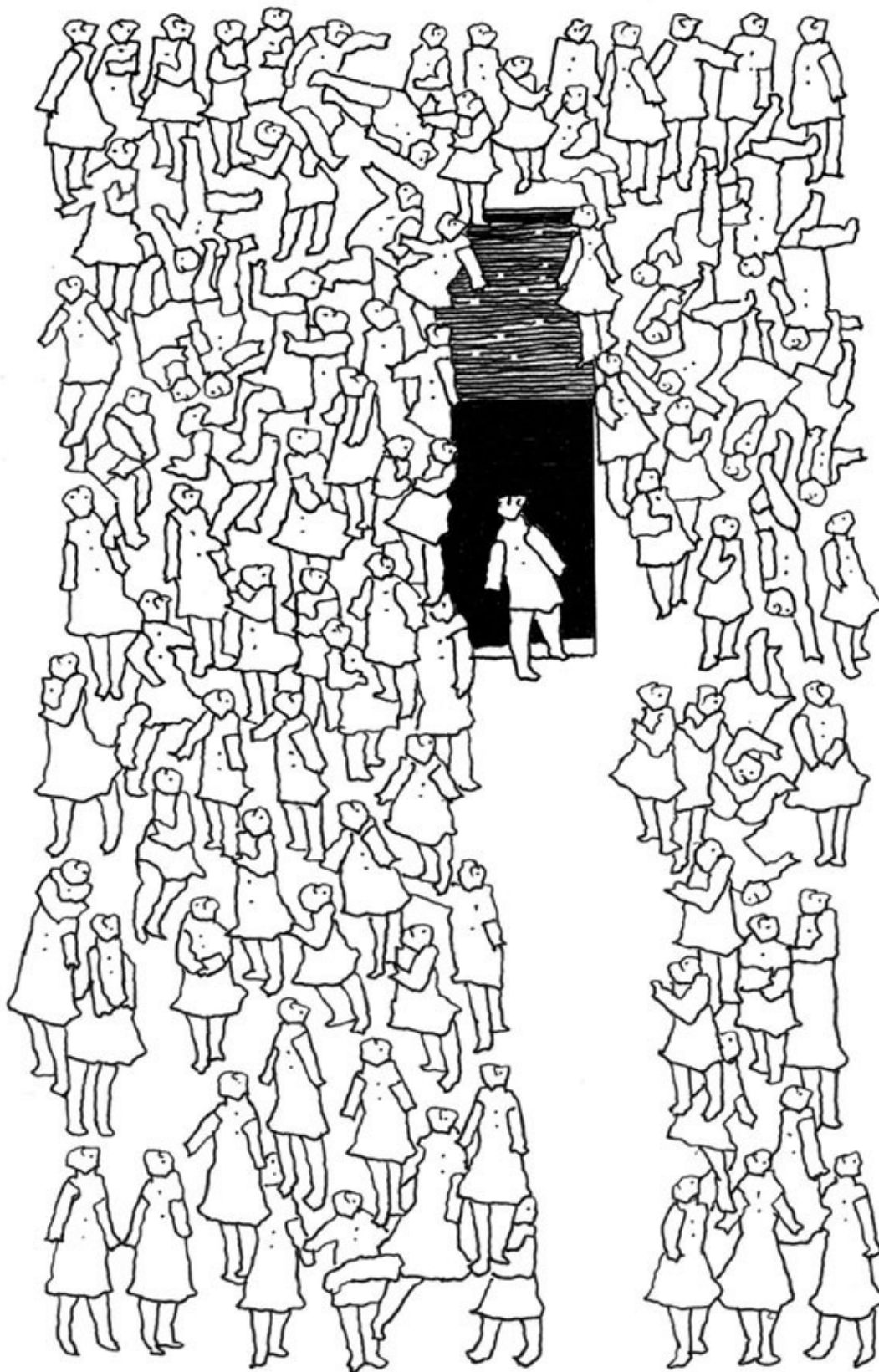
---

²³ Последняя доступна русскоязычному читателю в онлайн-формате по адресу: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/gergen1_1.htm.

²⁴ Кстати, тоже конструктивиста, но совсем другой школы.

которое встроено в отношения между структурами (самого разного происхождения и статуса) и шансами человеческой свободы.

Денис Подвойский

Вступление

«Социальный конструкционизм» имеет несколько обликов, но, кажется, ни одно из них не устраивает ведущих ученых в области поведенческих наук. В нынешних условиях то, что преподается по программам бакалавриата, магистратуры и профессиональных курсов, все больше и больше определяется требованиями тех профессиональных сообществ, которые «аккредитуют» или «одобряют» учебные программы. Таким путем люди могут стать, к примеру, «сертифицированными» или «профессиональными» психологами, это титулы, зарезервированные для идентификации тех, кто получил «надлежащую» профессиональную подготовку в данной дисциплине. Для этого они включаются в разные формы «профессионального развития», в частности, проходят признанные курсы или участвуют в признанных конференциях, лекциях, семинарах и тому подобном. Вполне возможно заработать и поддерживать профессиональное признание, ни разу не встретившись с работами, авторами и идеями, о которых мы говорим в этой книге. Собственно говоря, так обычно и происходит. На наш взгляд, это довольно странная ситуация.

Указанная странность хорошо описана философом Томасом Нагелем. Тридцать пять лет назад²⁵ он отметил [Nagel, 1974: 435–436, цит. по: Нагель, 1981], что «[субъективный характер опыта] нельзя уловить при помощи хорошо знакомых, недавно разработанных методов редукционного анализа феноменов мышления, поскольку все эти методы логически совместимы с его отсутствием. <...> Если анализ оставит без внимания какие-то аспекты, задача будет поставлена неверно». И сегодня ситуация во многом такая же: при формулировании основных теорий поведенческой науки игнорируется не только тот факт, что у людей есть опыт, но в большинстве случаев также и то, что этот опыт имеет интересующий субъективный аспект и что без этого характерная человеческая деятельность – разговаривать друг с другом способами, которые производят разные оттенки смысла, – была бы невозможна. Эта странность состоит в следующем: то, что является признанным образованием, очевидно является заблуждением, поскольку проблемы дисциплины были «поставлены неверно».

Что можно сделать, придя к такому пониманию? Есть много опций, которыми пользовались люди, в той или иной степени почувствовавшие, что в мейнстриме поведенческих наук что-то не так. Одна из них – критика; другая – отрицание, пассивное или активное; еще одна – полемика; и еще одна... Вариантов множество. Часть из них, как нам кажется, только усиливают поляризацию лагерей. Это не наша цель. Мы заботимся о том, чтобы психология как академическая и прикладная дисциплина разбиралась со своими задачами более адекватно, чем она делает это сейчас. Следуя этой цели, мы собрали множество источников, где люди настоящего и прошлого изложили идеи, востребованные при обсуждении проблем языка, значения, субъективности, интересующей субъективности, механизма работы разговоров и т. д. Представленный здесь материал – это то, что в названии нашей книги мы называем «истоками». Никакой набор идей не существует в вакууме – это верно и в отношении идей, лежащих в основе современных научных трудов, в общих чертах включающих различные варианты позиций «социального конструкционизма». В то же время эти источники содержат множество идей, использующихся недостаточно, но дающих, по нашему убеждению, более полное представление о человеческих навыках требующих исследований и понимания при помощи психологии.

Слово «смещение» мы используем, чтобы обозначить другое намерение. Упомянутые источники разрабатывались по-разному и использовались для разных целей – не только в области поведенческих наук, но и в социальных науках в более широком смысле. Они «переме-

---

²⁵ Книга Энди Лока и Тома Стронга вышла на английском языке в 2010 году; сегодня можно сказать, что Томас Нагель описал эту ситуацию почти полвека назад.

шали» многое, и, тем не менее, как мы обнаружили, читая о возникновении некоторых научных школ, очень сложно получить полное представление об их истоках и том, что именно в них возникло нового. Вдобавок чтение этих источников стало тем, что «перемешало» нас самих. Здесь неизбежно слышны два голоса и будут заметны, как минимум, следы наших споров в отношении черновых вариантов глав. Но это хорошо, потому что такова природа человеческой реальности: она обнаруживается и конструируется в ходе разговора. В таком ключе и задумана эта книга.

Благодарности

Энди Лок

Моя роль в этой книге связана с двумя ключевыми событиями моей жизни. Первое из них – это назначение Джона Шоттера моим руководителем еще в 1960-х годах. В то время я гораздо больше интересовался теми аспектами западной культурной революции, в которых выросло мое поколение, чем требованиями научного учреждения, где я должен был проходить квалификационные курсы и тем самым удерживать себя от того, что я считал потенциально ошеломительными альтернативами, вроде работы кассиром в банке, клерком или оператором бульдозера. Я начал учиться в университете, выбрав зоологию, ботанику и химию, но быстро бросил последнюю, когда обнаружил, что могу обойтись психологией в качестве вспомогательного курса по два часа в неделю вместо химии, которая требовала восьми часов. Постепенно я полностью перешел к психологии, потому что та зоология, которую мне преподносили, была наукой о живых существах после их смерти – девизом департамента вполне могло быть: «Если оно движется, убейте его и разрежьте». Психология дала мне возможность сосредоточиться на том, что живые существа делали в своей жизни, и моя дипломная работа «Социоэкология береговой ласточки, *Riparia riparia*, репродуктивное поведение» стала результатом этого перехода. Но руководство Джона открыло мой мир для совершенно новых идей. Долгое время Джон сбивал меня с толку даже в те моменты, когда увлекал. Ответ на любой мой вопрос он начинал со слов «Ну...» или «На самом деле...», а затем на протяжении десяти минут или дольше говорил вещи, которые, как я полагал, имели отношение к моему вопросу – только я не мог понять, какое именно.

В ответ на это я записывал имена людей, которых он упоминал, и как только чье-то имя повторялось пять раз, я проводил утро в библиотеке, разыскивая их: Льва Выготского, Джорджа Герберта Мида, Томаса Стернза Элиота, Курта Воннегута, Сэмюэла Беккета; эти имена были в первой группе. Мое невежество в то время обнаруживается в том, что я испытал шок, обнаружив, что только один из этих людей может в традиционном понимании считаться психологом. Но этот шок позволил мне задать свой первый разумный вопрос Джону в период обучения: «Так что же все это значит?» Его ответ был таким: «Ну, вот это мы и должны попытаться выяснить». И, работая над своей диссертацией о взаимодействии между матерью и ребенком, занимаясь написанием и редактурой нескольких книг о том, как происходило социальное конструирование языка и коммуникации, интересуясь тем, каково быть человеком, живущим в другой культуре, в 1994 году я обнаружил себя, все еще хорошо укрытого в своей башне из словенной кости, заканчивающим редактуру книги об эволюционных истоках человеческой деятельности. Именно тогда произошло второе ключевое событие: я встретил Майкла Уайта и Дэвида Эпстона в Аделаиде.

Майкл выступал с программным докладом на конференции по постмодернизму и психологии – вместе с самим Джоном Шоттером. Поскольку к тому времени мы с Джоном были частью британской научной диаспоры, реагирующей на реформы Маргарет Тэтчер, это казалось хорошей возможностью пообщаться с ним. Остальное было чистой случайностью. Я пошел на лекцию Майкла, потому что она была программным докладом. Он говорил о способах конструирования личностей из социальных практик и дискурсов, существующих в их культурах, и я мог спокойно кивать в ответ. Затем он по-настоящему встряхнул меня, переключившись на рассказ о том, как он и его «брат» Дэвид использовали эти идеи в своей терапевтической практике, чтобы с опорой на новые дискурсы помогать людям с разными проблемами найти способ реконструировать себя – так, чтобы они могли лучше справляться со своими ситуациями. Я пошел на семинар, который вели они с Дэвидом, и этот опыт привел меня к осознанию, что, возможно, часть накопленного за последние двадцать пять лет в моей

башне из слоновой кости багажа впервые может приобрести ценность в реальном мире и окажется полезной. Позже в разговоре Дэвид спросил, не был ли я тем Локом, который писал о психологии коренных народов еще в 1980-х годах, потому что он читал это, и ему понравилось. В этом случае, может быть, я действительно знал кое-что, что могло быть полезным. В то же время это событие заставило меня с удвоенной силой осознать глубины собственного невежества. Я не был практикующим психологом. Их манеры разговора сильно отличались от моей – наполненной скорее объективными, экспертными положениями, а не свойственной им позицией участника, этическим взглядом. Возможно, к тому же существовал огромный объем того, что я прочел, но никогда не понимал в том же ключе, что они. Я все еще не являюсь практикующим психологом. Получив возможность за прошедшие годы написать несколько статей с Дэвидом и его коллегами, я лучше научился обходиться с языком, хотя мне предстоит еще долгий, долгий путь, прежде чем я выйду за рамки прочно укоренившейся у меня просветительской привычки. И в этой книге с Томом я был вынужден снова вступить во взаимодействие с теми областями невежества, которые были постоянной частью моего существования с тех пор, как Джон впервые заставил меня их осознать.

Эта книга выросла из совместного курса, который мы вместе с Томом, а также Кеном и Мери Герген преподавали онлайн; свой вклад в нее внесло и участие Джона Шоттера и Рома Харре в наших семинарах в рамках программы дискурсивной терапии в Университете Мэсси. Я благодарен им и другим нашим партнерам по программе за наполненную поддержкой среду, которую они создали. Кен и Мери, Джон и Ром на протяжении многих лет щедро предоставляли нам материалы, разъяснения по нашим вопросам и другую поддержку. Студенты, с которыми мы изучали эти идеи в течение последних пяти лет, заслуживают большой похвалы и симпатии за то, что помогли нам прояснить собственное понимание предмета, и за то, что предоставили нам все богатство своего опыта для будущей работы. Спасибо моим коллегам здесь, в Мэсси, особенно двум последним руководителям моей Школы, которые создали условия для моего чтения и раздумий – возможность, которую, кажется, все труднее получить в современных университетах. Ученица Тома, Мелисса Грей, оказала нам неоценимую помощь в разборе наших источников литературы; Хелен Пейдж из Мэсси подключила свои навыки, чтобы собрать воедино окончательный вариант рукописи после тех разрушений, которые мы с Томом нанесли ей в ходе работы с черновыми вариантами, отправляя их туда и обратно по электронной почте с наших компьютеров с разными текстовыми редакторами и операционными системами. Мы также благодарны Джанет Тиррелл за ее старания и редакторские предложения, которые были даны во время подготовки рукописи к публикации.

Больше всего я в долгу, конечно, перед самыми близкими мне людьми. Моя жена, Трейси Райли, стойко, с редким хладнокровием выдержала множество вечерних монологов на различные загадочные темы и смирялась с постоянными моментами моего «пребывания здесь, но не здесь». Я очень благодарен тебе за поддержку. И Ханна, Дункан, Джо и Шелби: спасибо, ребята, что терпели своего рассеянного отца.

Том Стронг

Для меня эта книга началась около двенадцати лет назад в киберпространстве, в перерывах между встречами с клиентами, когда я курсировал из города в город, работая психологом-консультантом вне больничного приема на Северо-Западе провинции Британская Колумбия. Казалось, что я был частью временного искривления, когда креативные и увлекательные новые идеи о практике (нарративные, сфокусированные на решениях, коллаборационные) захватывали воображение и разговоры многих практикующих психологов.

Воодушевление сошло на нет, равно как и заряжающие энергией конференции, объявления о новых «постмодернистских» книгах и введение новых практик. К концу 1990-х годов возобновление нарратива ученых-практиков было в самом разгаре, поскольку *DSM-IV-*

TR²⁶и подходы, основанные на практике (в основном когнитивно-поведенческая психотерапия), заняли лидирующие позиции в обучении, исследованиях и в сфере предоставления услуг. Но с середины и до конца 1990-х годов я запустил серию онлайн-диалогов с людьми со всего мира об этой постмодернистской (а позже ставшей известной мне под именем социально-конструкционистской) «революции» в мышлении и практике. Так началось мое сотрудничество, в основном в формате онлайн, с Энди, находившимся на другом конце света.

Как и я, Энди время от времени участвовал в подготовке электронных информационных рассылок, таких как рассылка по вопросам брачной и семейной терапии, рассылка дискуссионной группы Бахтина или рассылка по вопросам поздних постмодернистских подходов к терапии Луис Шаувер. Энди собрал очень интересную группу мыслителей на своем «виртуальном факультете» в Мэсси, и некоторые из них включены в эту книгу. В 1998 году я оставил свой великолепный и дружелюбный городок Смитерс, брак и занимающую все время и требующую постоянных перемещений частную практику. Я вернулся к научной жизни и еще больше включился в диалоги и рассуждения, стоящие за социально-конструкционистской революцией мысли и практики, о которых я хотел получить больше информации. Тогда я считал, что существуют различные конструкционистские практики, описанные такими авторами, как Майкл Уайт и Стив де Шазер, но идеи, из которых они были выведены, глубоки и едва ли доступны обычному практикующему психологу. У Энди были хорошие связи, и когда я переключился на академическую жизнь, он попросил меня присоединиться к нему в инновационной программе «дискурсивной терапии», предлагаемой Университетом Мэсси в Новой Зеландии. Энди был бы исследователем / теоретиком, а я – практикующим психологом / теоретиком на курсе, где мы делились идеями таких разных мыслителей, как Вико, Гарфинкель, Витгенштейн и Бейтсон. Мои теоретические познания в тот момент были «жидкими» и в значительной степени ограничивались тем, что я почерпнул у авторов-терапевтов того времени. Таким образом, работа с Энди означала для меня чтение не самой простой литературы. Глядя на материалы нашего курса, мы подумали: почему бы не написать книгу? Так для нас постепенно возникло новое, хотя и в значительной степени приятное испытание, поскольку во время работы над книгой, которую вы сейчас читаете, мы вышли далеко за рамки первоначальных материалов своего курса.

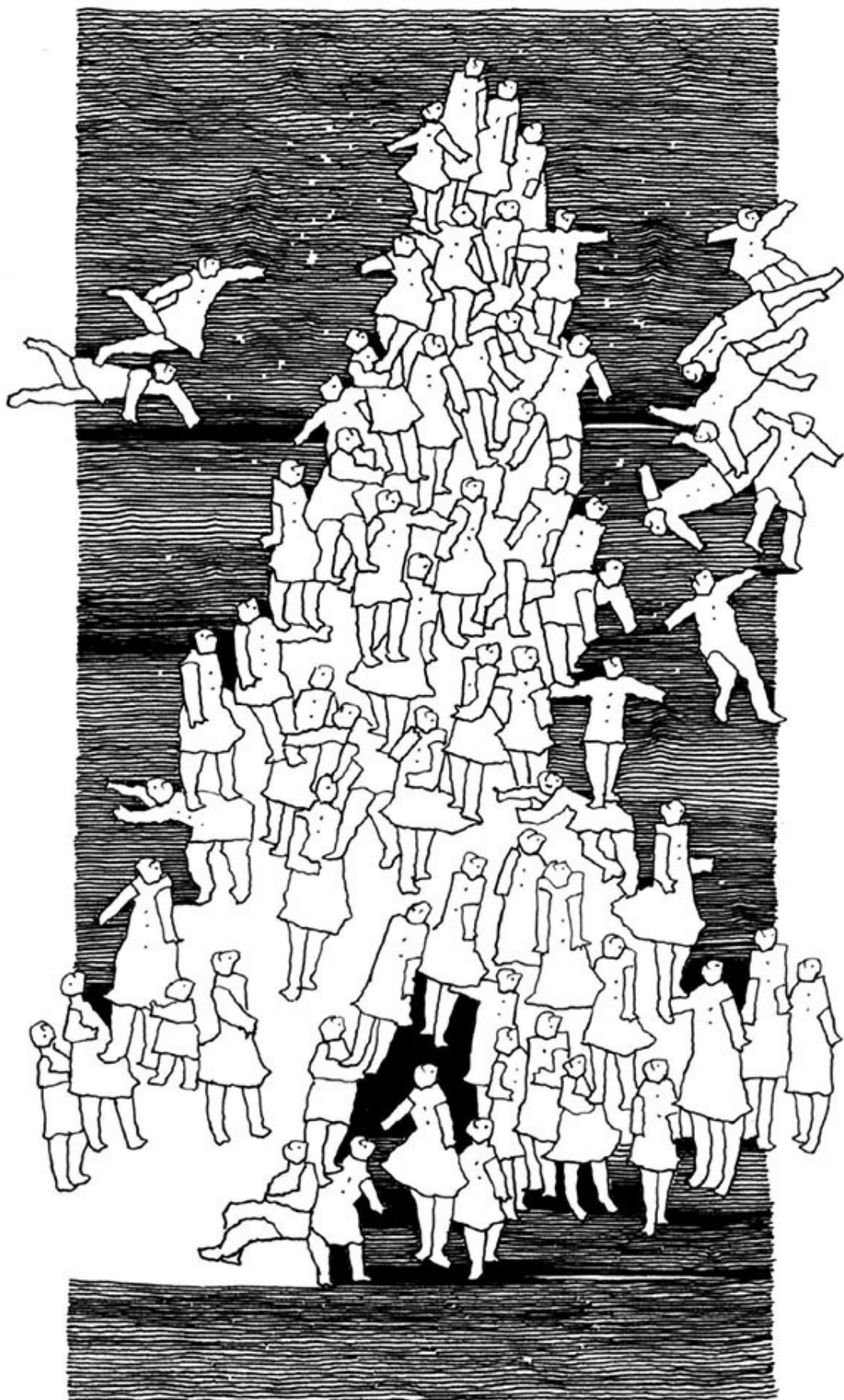
Оглядываясь назад, я понимаю, что мне нужно поблагодарить многих людей и что сейчас в моей жизни продолжается много диалогов, которые не были ее частью на момент знакомства с Энди и идеями, которые мы обсуждаем. Ни один практикующий специалист не повлиял на мое мышление и практику больше, чем Майкл Уайт, олицетворяющий многие из ценностей, которыми я руководствуюсь сейчас: социальную справедливость, креативность, глубокое уважение к человеческому достоинству и потенциальной изобретательности. То же можно сказать и о Харлин Андерсон, Дэвиде Эпстоне, Якко Сейккуле и Стиве де Шазере. Они взяли сложные идеи и воплотили их в коллаборативные и производительные практики, которые разительно отличаются от тех, что описаны в сценариях, использующихся сегодня в доминирующих подходах к помощи. Но отойдите еще на один шаг, и вы обнаружите невероятных ученых-новаторов, обеспечивающих концептуальную основу для таких новых практик: Джон Шоттер, Кен Герген и Ром Харре. Самым выдающимся результатом их влиятельных произведений стала способность критиковать доминирующие подходы и практики, опираясь на синтез идей смелых мыслителей, отклонившихся от привычного нарратива, продолжающего быть основой прак-

---

²⁶ *DSM-IV-TR* – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (*Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders – DSM*) – разработанная Американской психиатрической ассоциацией и принятая в США номенклатура психических расстройств. Первое издание было выпущено в 1952 году, существенно доработанные и пересмотренные издания выходили в 1968 году (II), 1980 году (III) и 1994 году (IV). Издание *DSM-IV-TR* было опубликовано в 2000 году, и оно использовалось в практике вплоть до 2013 года, когда вышло руководство *DSM-5*. – *Примеч. ред.*

тики оказания помощи. Эти люди стали источником моего практического и интеллектуального вдохновения.

В результате этого сотрудничества, во время четырех поездок в Новую Зеландию на протяжении последних четырех лет, я обзавелся дополнительной семьей: Трейси, Ханна, Дункан, Шелби и Джо (клан Лок – Райли, семья Энди), а также коллеги в Университете Мэсси. Университет Калгари стал хорошей базой для моей работы, и особенную благодарность я выражаю Вики Швин. Я также ценю поддержку, оказанную мне во время учебы в Университете Северной Британской Колумбии. Я очень благодарен за постоянные диалоги с Джерри Гэйлом, Линн Хоффман, Лоисом Хольцманом, Крисом Кинманом, Шейлой МакНэми, Дэвидом Парэ, Питером Робером, Салли Сент-Джордж, Ником Тодом, Карлом Томом, Аланом Уэйдом и Дэном Вульфом. Мне особенно повезло, что я работал с некоторыми замечательными учениками, которые не давали мне остановиться в чтении и размышлениях, и среди них Робби Буш, Шари Кутюр, Эллисон Фоскет, Маргарет Фюллер, Грег Годар, Том Хоуп, Дон Джонсон, Отгар Несс, Натан Пайл, Ольга Сазерленд и Дон Земан. В более личном плане я хочу поблагодарить тех, кто очень поддерживал меня на протяжении последних лет, особенно когда я переживал трудные времена: моих родителей (Ирв и Ирен Стронг), Хизер Стронг, Ангуса Макдональда, Филадельфа Пайна, Дуга Макдональда и моих новообетенных кубинских друзей. И, наконец, мою дочь Аристу: я с нетерпением жду продолжения наших бесед, развивающихся в полезном для нас обоим направлении.

1. Введение

Проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путем упорядочения уже давно известного [Wittgenstein, 1953: афоризм 109, цит. по: Витгенштейн, 1994: 127].

В последнее время из области общественных наук и помогающих профессий, которые вышли из них, приходят любопытные вести. Все большее число ученых подвергают сомнению представление, согласно которому социальные науки могут сделать для помогающих профессий то же самое, что естественные науки совершили для инженерного дела или биомедицины. Даже язык, при помощи которого формулируются такие идеи, оказался под сомнением, поскольку теоретики в области коммуникации и философии языка сделали нашу фундаментальную социальную реальность – общение друг с другом – предметом критического рассмотрения. В то же время на передний план вышли более масштабные культурные проблемы. Где место женщин и представителей культурных меньшинств в так называемом знании о «человеке вообще», которое должно быть применимо в оказании помощи конкретным людям? Сотрясаются самые основы того, что казалось надежной базой знаний. Появляются новые практики помощи и способы их осмысления, которые представляются порядком анархичными по сравнению с систематическими правилами помощи и устоявшимися научными представлениями о людях и их взаимодействии. Если следовать далее в направлении, которое задает эта дискуссия, мы придем к тому, что идеалы науки Просвещения в приложении к человеческим стремлениям и заботам не обеспечивают эквивалентов пониманий и практик, позволяющих строить мосты или отправлять людей на Луну. Хуже того, исследователи общества обвиняются в обращении с людьми способами, упрощающими их до того, что кибернетик Хайнц фон Фёрстер называл «тривиальными машинами». Если экстраполировать это на способы осмысления и коммуникативные практики помогающих профессий, то традиционные предположения о людях и о том, что необходимо сделать, чтобы выстроить с ними взаимодействие, превращают клиентов в источники необходимой информации и пассивных получателей профессиональных знаний и наставлений. Такой подход и к практике, и к общественным наукам, поддерживающим эту практику, продолжает процветать. Однако среди небольшого, но заметного числа психотерапевтов, работников сферы образования, специалистов в области человеческих отношений, консультантов по организационному развитию и ряда других специалистов по мере развития новых представлений о людях формируется иной подход к выстраиванию взаимодействия с клиентами.

Речевое взаимодействие между специалистом и клиентом в рамках психотерапевтического сеанса традиционно считалось вторичным в деле терапии – это был лишь необходимый канал для обмена информацией, обычно не более того. Психотерапия, как и большинство прикладных наук (таких как медицина и инженерное дело), развивалась главным образом посредством систематизации конкретных эмпирических доменов способом, который позволяет реализовывать интервенции. Роль, которую беседа играет с точки зрения стремления к такой систематизации и вмешательству – не важно, ученых или обычных людей, – только недавно была признана объектом анализа и интервенций. Это признание служит напоминанием о том, что значения и следствия феноменов нашего собственного опыта не могут быть предоставлены нам в объективированном виде. Разговор – это не просто «инструмент», который используется для выполнения задачи психотерапии, настоящая психотерапия происходит именно в процессе разговора [Friedman, 1993; Maranhão, 1986].

В то же время за последние несколько десятилетий среди психологов-исследователей заметно увеличилось число людей, применяющих в своей научной работе то, что мы можем

в общем виде назвать «качественными методами», которые они используют для объяснения того, как люди ведут свои повседневные дела. Тем не менее такие исследователи занимают далеко не первые места в таблице о рангах своей дисциплины, определяющей себя как точную науку, твердо приверженную формулировке исследовательских проблем, которые могут быть изучены опытно-экспериментальным путем посредством количественных измерений в гипотетико-дедуктивной структуре на индивидуальном уровне либо с помощью количественных опросов или массовых обследований населения на уровне общества. Наука – это благо, лишь взгляните на то, что она сделала для улучшения условий жизни человека; а следовательно, ничто вне доминирующей научной парадигмы не может сравниться с ней. Однако в основе такой приоритизации экспериментального подхода кроется противоречие, поскольку само это суждение не может быть выведено экспериментальным путем. Хуже того, противоречие сохранялось бы даже в том случае, если бы оно могло быть выведено таким образом: до тех пор, пока те, кто проводят эксперимент, не смогут разделить, что из обнаруженного стало результатом их действий, а что произошло бы и без их вмешательства, эксперимент не станет жизнеспособным методом выяснения чего-либо. Чувство ответственности за результаты своих действий является основополагающим для проведения эксперимента, и репутация успешных ученых основана именно на этом принципе (иначе зачем ученые указывают автора исследования и дату его проведения при цитировании?).

Кроме того, в последние пятьдесят лет окрепло ощущение, что существующие представления о человеческой деятельности являются упрощенными и детерминистскими. В изменяющемся мире более насущным стал интерес к вопросам, связанным с правами, отношениями и кажущимися произвольными изменениями в том, как жизнь и восприятие трансформируются с течением времени. Такие изменения – определенно результат не биологических процессов, а различных способов конструирования и преобразования смыслов в жизненных перипетиях людей, взаимодействующих друг с другом. То, как люди воспринимают мир и осмысляют его, в первую очередь является результатом социокультурных процессов. Кроме того, эти процессы ведут свое происхождение скорее из истории, чем из биологии. Это тот случай, когда «знание и социальное действие идут рука об руку» в своем развитии [Burr, 2003: 5], а не когда знание отделено от деятельности и каким-то образом питает его информацией. Кроме того, признано, что социальная наука в целом и психология в частности не лишены элементов политики, что «научные факты» не являются чем-то безусловным и не находятся где-то в ожидании своего обнаружения – чтобы предоставить всеобъемлющее знание, согласно которому «мир устроен именно так и никак иначе». Совсем напротив, «научные факты» конструируются в разных отраслях человеческой деятельности, а затем превращаются в идеологии, которые приносят пользу одним людям, лишая прав других.

В мире, находящемся в процессе глобализации, эти вопросы имеют первостепенное значение в отношении политического статуса научных фактов и идеологий, созданию которых они способствуют. Множество разнообразных групп коренного населения ощутили на себе угнетающий аспект использования наук о поведении в качестве инструмента колонизации, когда они насаждались в этих общностях различными способами. Их собственные ценности были попорчены, потому что их считали основанными на суевериях, а не на науке. В будущем ситуация может ухудшиться, поскольку развитые страны Запада расширяют влияние на те развивающиеся страны, которые опираются на совершенно иные самобытные традиции. Опасность возникновения нового империализма вполне вероятна. Культурные столкновения на уровне непонимания норм повседневного поведения представителями разных общностей могут привести к серьезным конфликтам. Событие, ставшее поворотным моментом в отношениях между Западом и Азией, произошло в феврале 1972 года. Президент США Ричард Никсон находился с официальным визитом в Китае в то время, когда во Вьетнаме шла вой на. На государственном банкете, устроенном в честь президента Никсона, первый секретарь госсовета Китая сво-

ими палочками для еды отобрал для Никсона закуски с общего блюда. Этим поступком Чжоу Эньлай выражал большое почтение президенту Никсону, поскольку это означало, что к Никсону относятся, как к «члену семьи». В рамках культуры, к которой принадлежал Никсон, этот поступок был оскорблением: «Я вполне способен сделать выбор самостоятельно, и на ваших палочках микробы: вам никто не запрещает использовать общие столовые приборы, но не позволяйте себе делать выбор за меня». К счастью, это недоразумение удалось разрешить, но возможность оскорбления остается очевидной. Вероятность худшего исхода повышается, если сформулированные на Западе принципы, эмпирические факты социальной психологии человека навязываются людям с совершенно иными культурными основами.

Это касается не только межкультурных отношений, но и отношений, складывающихся внутри какой-либо культуры. В западных культурах есть целый спектр помогающих профессий, которые обладают определенными кодексами методик. Как правило, такие методики развиваются как практическое приложение базы знаний, считающихся основополагающими. Например, в образовании на теоретических положениях, касающихся обучения, строятся гипотезы, которые затем проходят оценку на практике. Ключевым моментом является то, что те, кто использует эти методики, могут сослаться на базовые знания, чтобы оправдать их дальнейшее использование. Одно из таких основополагающих предположений заключалось в том, что человеческие и социальные проблемы могут быть «верно» опознаны, а затем соответствующим образом решены с помощью мер, основанных на имеющихся знаниях. Ужас, который нагоняет слово «верно», лишний раз подчеркивает, насколько этот подход к объяснению и решению проблем движим одной лишь теорией и тавтологичен. Все это не ново для практиков. В последние десятилетия выросло число новых методик, основанных на новых теориях (в поддержку которых собрана эмпирическая база). Хорошая иллюстрация – психотерапия с ее более чем 400 признанными подходами. На какой из них мы водрузим свой флаг? Ведь не могут же все они быть правильными? По этому вопросу Линн Хоффман [Hoffman, 2002], выдающийся специалист в области семейной терапии, предлагает радикальную точку зрения: в психотерапии наступила эра социального конструкционизма (например, [Strong, Paré, 2004; Gubrium, Holstein, 2007]), и вместо того, чтобы продолжать развивать и использовать определенные модели практики, нам следует отказаться от них в пользу более пригодных и этически здоровых идей.

Те, кто занимается признанной поведенческой наукой, обычно считают описанные выше тревоги заботами «эксцентричного меньшинства», людей, которые были обманом затянуты в сети различных ненадежных идей, таких как постструктурализм или постмодернизм. Но поднятые нами вопросы уходят корнями в глубину истории, и со всей остротой они представлены в методологической дискуссии Германии середины XIX века под названием *Methodenstreit* – буквально это «спор о методах». Сначала она ограничивалась областью экономики, но затем распространилась на весь диапазон общественных наук. Дискуссия была сосредоточена именно на тех вопросах, которые мы отмечали выше: можно ли использовать в гуманитарных науках те же методы, что и в естественных? Предмет дебатов актуален для нас и сегодня: «понимание» (которое ищут в гуманитарных науках) против «объяснения» (которое ищут в естественных науках). Этот спор не был полностью разрешен – отчасти потому, что в повседневной жизни люди, говорящие на английском языке, не проводят четкой границы между этими двумя терминами.

Рассмотрим следующие высказывания:

У Дэвида депрессия, потому что он только что потерял работу.

У Дэвида депрессия, потому что в его мозге разбалансированы химические процессы.

Если говорить простым языком, оба этих утверждения дают нам некое объяснение того, почему у Дэвида депрессия, но в то же время мы чувствуем, что каждое из них предлагает нам свой способ понимания того, почему он находится в этом состоянии. И все-таки это очень разные утверждения. Первое рассказывает нам о состоянии Дэвида как человека, погруженного во внутренние переживания, которые что-то значат для него; второе рассказывает нам о том, как определенные химические вещества влияют на его мозг. А вот что никогда должным образом не было разрешено, вплоть до сегодняшнего дня, это каким образом можно структурировать опыт Дэвида, чтобы потеря работы могла привести к химическому дисбалансу, влияющему на его настроение; в то же время такое же событие в жизни другого человека могло бы привести к выбросу другого набора химических веществ, что спровоцировало бы эйфорию; у третьего вообще не было бы никакого заметного эффекта. Почему же это нельзя разрешить?

Любой ответ неизбежно будет многогранен и неточен. В основе всего лежит опыт, субъективность. В нашем исторически устоявшемся видении мира переживания субъективны, они сложно поддаются изучению, и ввиду того, что они сопровождаются широким разнообразием эмоций, с ними очень сложно что-то поделать, если для нас самих или кого-либо другого они представляются проблемой. Реакции людей на ситуации требуют нормативных оценок: нормально ли для Дэвида пребывать в унынии по причине потери работы, для его коллеги – испытывать в такой ситуации восторг, а еще для кого-то – не придавать этому вообще никакого значения? Посчитай мы, что восприятие Дэвида или чье-то еще должно измениться (и на основании чего мы можем так решить?), что нужно сделать такого, чтобы были хоть малейшие шансы на успех? Может быть, на него могут подействовать уговоры? Если тому, что происходит с Дэвидом, на основании объективных критериев может быть присвоен диагноз «депрессия», мы приходим к объективно же установленному решению: нужно восстановить баланс химических веществ в его мозгу при помощи соответствующего препарата. Практическая и экономическая выгода очевидна.

В поведенческих науках выбор в пользу этого пути делается уже на протяжении ста лет. Бихевиоризм искоренил менталистские взгляды и таким образом избавился от затруднений, связанных с отсылками к опыту и субъективности в оценках поведения. Поведение превратилось в нечто объективно наблюдаемое, следовательно, оно стало предсказуемым и поддающимся количественной оценке. Несомненно, это эффективная тактика для разработки способов прогнозирования и контроля поведения крыс и голубей. Затем, по мере того как в 1950-х годах в психологических кругах росло беспокойство по поводу того, является ли достаточным объяснение поведения, не учитывающее «промежуточные переменные», действующие внутри организма и выступающие медиаторами между стимулом и реакцией, на волне современных тенденций, воспользовавшихся идеями современных технологий, возникла психологическая теория обработки информации, которая остается основной составляющей академической психологии и по сей день.

Нельзя отрицать очевидных успехов, достигнутых с использованием когнитивистского подхода в анализе памяти, восприятия, социальных суждений и т. д. Только есть одно большое «но». Именно те характеристики, которые определяют бытие человека (то, что мы милостью божией наделены сознательным опытом), из-за исторической случайности, которую мы упоминали выше, даже не принимаются во внимание в этом взгляде на то, «как все происходит». В результате, когда психологическая парадигма используется в практических целях, чтобы помочь разобраться со специфическими человеческими проблемами, люди и институты, в отношении которых она применяется, рассматриваются в высшей степени упрощенно, и прилагаемые в рамках нее усилия не просто не помогают, но часто вызывают отторжение у тех, кому должны были помочь. Как постоянно возмущался «Номер 6» из культового британского телесериала 1960-х годов «Заклученный» (The Prisoner, 1967), роль которого исполнял Патрик МакГуэн, «Я не номер, я свободный человек».

Когда мы начинали писать эту книгу, у нас были, как нам казалось, две довольно простые цели. Одна из них состояла в том, чтобы представить некоторые из научных течений, которые недавно объединились в социальных науках, чтобы реабилитировать положение о том, что люди и, предположительно, другие живые существа, действительно обладают значимым опытом взаимодействия с миром. Мы считали, что эту реабилитацию можно провести под знаменем социального конструкционизма. Это заявление, что мы не просто замкнутые в себе устройства по переработке информации, а социальные существа, которые удивительным образом проходят процесс превращения в погруженных в культурный контекст взрослых и познают мир со всеми его радостями и разочарованиями. Проще говоря, мы человеческие существа, конструируемые в процессе постоянного погружения в мир опыта вместе с другими людьми. Кроме того, мы были убеждены, что «то, что на самом деле происходит» в человеческих отношениях, то, каким образом мы входим в них, проживаем их и транслируем их нашим детям, является гораздо более загадочным и сложным для описания процессом, чем предполагают доминирующие парадигмы. Мы хотели показать другую сторону дискуссии *Methodenstreit*, которая, по всей видимости, выпала из поля зрения: истинное предназначение психологии в том, чтобы постигать, как люди понимают друг друга и влияют друг на друга в великом проекте по созиданию и сохранению механизмов, через которые наш интерсубъективный опыт формирует наши жизни по мере их течения.

Наша вторая цель состояла в том, чтобы показать, как можно уловить эти скрытые течения мысли и как они проявляются в деятельности смелых и новаторских практиков, которые, часто интуитивно, поддерживают некоторые из наших опасений относительно того, что практическое применение психологии все более и более сдерживается – контрпродуктивным образом, поспешным предписанием так называемого экспертного знания как единственного законного способа получить право именоваться профессионалом. Если мы все-таки не являемся автономными, замкнутыми в себе устройствами по переработке информации, то что нам может дать альтернативный взгляд на нас как на социально сконструированных существ с точки зрения возможностей информированного вмешательства в происходящее? Эти две цели являются организующими принципами, которых мы придерживаемся на протяжении всего текста. Но в процессе нашей совместной работы появилось еще много побочных соображений, параллелей и поводов для будущих дискуссий. Эта книга вышла одновременно и длиннее, чем планировалось изначально, и короче, чем ей следовало бы быть. Она написана двумя людьми, решившими, будучи движимыми общими ощущениями, вместе реализовать проект, который сначала казался просто «хорошей идеей». В процессе совместной работы над книгой мы стали лучше понимать, что многое из казавшегося объединяющим в нашем бэкграунде, из того, что мы считали общим, было скорее химерой, чем фактом. Но в то же время наши споры помогли нам перейти на новый уровень общего восприятия и по-новому взглянуть на практики, которые мы хотели бы назвать «социальным конструированием способов поладить»: поддержание беседы в продуктивном ключе и возрождение споров вековой давности, – что можно считать нашим вкладом в продолжение дискурсивного обеспечения культурной жизни.

Что же до [оригинального – *Примеч. ред.*] названия нашей книги – «Социальный конструкционизм: истоки и смешения», – то с его частью об «истоках» все предельно ясно: мы стремились представить некоторые ключевые идеи, которые часто развивались отдельно друг от друга, но помогли нам в собственных попытках выяснить, «что происходит и как можно содействовать продолжению этого в более обходительной манере». Что касается «смешений», то разговоры об истоках, безусловно, сподвигли нас объединить наши идеи в нечто похожее на связный текст. В ряде случаев мы находились под давлением ощущения, что нужно стремиться хотя бы к некоему подобию связности, поскольку связность – это то, на что рассчитывает читатель. Но в то же время сами мы не собирались наделять эту связность авторитарной силой, чтобы затем, будучи экспертами, задавать своего рода «партийную линию», которой

необходимо следовать. Социальный конструкционизм представляется нам в данный момент еще весьма далеким от завершения предприятием. В процессе написания книги мы обнаружили, что достичь две наши первоначальные цели было не так просто, как мы сначала предполагали, так как у социального конструкционизма больше истоков и ресурсов, чем мы ожидали, и довольно часто те, кто может считать себя социальными конструкционистами, оказывается, не знают о них. Таким образом, в большей степени мы хотели бы оживить эти идеи, с тем чтобы побудить вас как читателей вступить с ними во взаимодействие и оценить, могут или не могут они пригодиться в вашей работе.

Что такое социальный конструкционизм?

Не существует единой школы конструкционизма – скорее, это целый конгломерат подходов, но держится он на единых положениях, которые скрепляют его каркас. *Во-первых*, в сферу интересов социального конструкционизма входят смысл и понимание как основные особенности человеческой деятельности. Что касается смысла, то здесь внимание сфокусировано на том, каким образом язык, символический в своей основе, обеспечивает одно качество социального опыта для людей, говорящих на одном языке, и совершенно иное качество социального опыта для людей, говорящих на разных языках. В первом случае мы мгновенно схватываем, о чем идет речь, тогда как во втором слышим лишь шум. Мы можем уловить не все, что говорится, и смысл сказанного поначалу может быть неясен, поэтому необходимо продолжать разговор до тех пор, пока смысл произнесенного не прояснится и мы не сможем наконец сказать: «Вот теперь я понимаю». По мере развития мы получаем новые навыки анализа символов, направленные на достижение понимания: теперь мы можем проговорить наедине с собой спор или справиться с инструкциями по сборке мебели. Но даже в таких ситуациях сохраняется разговорная структура. Отсюда следует *второе положение*, согласно которому смысл и понимание возникают в процессе социального взаимодействия, когда достигается согласие относительно того, что стоит за этими символическими формами.

В-третьих, в силу того, что способы создания смысла изначально заложены в социокультурные процессы, они специфичны для конкретных исторических периодов и территорий. Таким образом, значение тех или иных событий, то, как мы их понимаем, может различаться в разных ситуациях. Эти различия могут быть несущественными: например, люди хотят выглядеть модными, но представления о том, что считается модным, меняются как с течением времени (сравните, как одеты люди на фотографиях в 1900-х и 2000-х годах), так и в зависимости от территории их проживания (сравните, как одеваются президент Соединенных Штатов и король Саудовской Аравии). Однако они могут быть и значительно более существенными. К примеру, Джули Хепворт [Hepworth, 1999] показывает, насколько заметно с течением времени изменились на Западе представления о голодании. Средневековые женщины, практиковавшие голодание, считались святыми, которые отрешились от мирских благ в пользу небесных. Эти женщины не рассматривали свой опыт сквозь призму современного дискурса *анорексии*. Пифию почитали, полагая, что она слышит глас божий, вместо того чтобы называть ее «шизофреничкой». Перед такими оракулами преклонялись и считали их блаженными, вместо того чтобы низводить их до звания больных. Различия дискурсов, в рамках которых описанный опыт мог сложиться и быть осмысленным, формируют совершенно разное отношение к проблемам в давние времена и в современных условиях.

Четвертое положение, как и его следствия, состоит в том, что у большинства социальных конструкционистов сложные отношения с «эссенциализмом», а именно с идеей, что одна из главных целей психологии – это раскрытие сущностных характеристик людей. Если люди формируют себя в рамках изменяющихся социокультурных традиций, то они способствуют созданию дискурсов, которые они используют для определения самих себя. Таким образом, люди – это самоопределяющиеся и социально сконструированные в рамках их совместной жизни участники процесса. В них нет заданных заранее сущностей, которые можно было бы попытаться определить, используя объективные методы, скорее наоборот – наши способы осмысления друг друга сконструированы таким образом, чтобы мы могли быть собой по-разному. Это похоже на суждение, что внутри куска глины отсутствует изначально заданная форма, которую извлекает в ходе работы гончар – например, чашка, тарелка или ваза, – гончар вступает во взаимодействие с физическими свойствами глины и в результате создает форму. Подобным образом социальные конструкционисты хотят описать процессы, управляющие в социокультурной

сфере порядком действий по созданию дискурсов, внутри которых люди выстраивают себя. Это совершенно не отрицает того, что у людей есть определенные склонности, но позволяет утверждать, что многие из этих склонностей изначально довольно аморфны, подобно глине. Например, мы проявляем особый интерес к человеческим лицам с самого начала нашей жизни, и этот интерес является неотъемлемой частью установления и развития наших отношений с другими людьми. Однако эти отношения формируются и строятся у нас по-разному, закладывая совершенно разные моральные требования к людям в зависимости от места и времени.

Отрицание «эссенциализма» создает сложности в отношениях социального конструкционизма с идеями реализма, а следовательно, и с наукой, в результате его часто уничижительно характеризуют как проявление релятивизма. Споры вокруг этой концептуальной взаимосвязи терминов пока породили, как нам кажется, больше вопросов, чем ответов, и мы все еще не приступили к обозначению соответствующих проблем. Между тем они обязательно обозначатся по мере нашего продвижения вперед – мы столкнулись с этим, когда обрабатывали наш материал. Сейчас мы перейдем к позиции, которую считали неправдоподобной в начале своей работы. Одним из трендов в некоторых кругах примерно в последние пятьдесят лет был переход от устремлений в духе Просвещения, состоявших в том, чтобы открыть ту самую *правду* о мире, к постмодернистским сомнениям в существовании такого (или вообще какого-либо) метанарратива. Во многом это переход от мира исследований с его эпистемологическими вопросами в духе: «Каков наилучший способ раскрыть природу мира, в котором мы живем?» – к вопросам онтологии: «В каких мирах мы можем жить и по каким критериям мы можем решать, какой из них предпочтительнее?» Эта цепочка проблем привела к критическому комментарию социобиолога Ричарда Докинза [Dawkins, 1995: 31–32]: «Покажите мне культурного релятивиста на высоте 30 000 футов, и я покажу вам лицемера». Мы, конечно, могли бы начать критиковать эту легкомысленную реплику за то, что она полностью лишена смысла, но нам хочется просто перифразировать ее: «Покажите нам социального конструкциониста на высоте 30 000 футов, и мы покажем вам подлинного ученого». Однако, чтобы дойти до этой позиции, необходимо преодолеть значительную дистанцию. Это неожиданный для нас исход, особенно если учесть, что он противоречит пятому и, возможно, окончательному положению, по которому сходятся все социальные конструкционисты.

Пятое положение – это формирование критической точки зрения на актуальные проблемы, то есть заинтересованность в раскрытии механизмов функционирования социального мира, а также распределения власти, часто действующих вне осознания, для того чтобы изменить эти действия и сделать их более справедливыми (в противовес традиционному теоретизированию, в рамках которого происходят попытки только объяснить и понять эти процессы). Этот критический взгляд получает современное прочтение у Карла Маркса в одиннадцатом из его «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это не значит, что мы приравниваем конструкционизм к марксизму, но сходство восприятия очевидно, как и в этом утверждении Кена Гергена [K. J. Gergen, 1994a: 53]:

[Социальный конструкционист] вряд ли будет интересоваться истинностью, достоверностью или объективностью высказанного суждения, какие предположения возникают на основе теории, насколько точно само утверждение отражает истинные намерения или эмоции говорящего или как высказывание становится возможным в процессе когнитивной деятельности. Для [социального конструкциониста] языковые данные являются скорее опорными точками в сети отношений. Они являются не картами или отражениями других областей – референтных миров или внутренних импульсов, – но порождениями особых образов жизни, ритуалов обмена, отношений контроля и доминирования и так далее. Таким образом,

главные вопросы, которые следует задать относительно утверждений, содержащих общеизвестные факты: как они функционируют, в каких ритуалах они важны, какие виды деятельности они запускают, а какие тормозят, кому они наносят вред и кто вызывает от таких утверждений?

Это утверждение не вызывает у нас возражений. Однако мы считаем, что социальный конструкционист может предложить социальным наукам нечто большее, чем просто политическую критику, направленную на достижение большей социальной справедливости. Наша предварительная точка зрения состоит в том, что социальная реальность включает в себя что-то еще, помимо языка: существует доязыковой домен человеческого социального опыта, который обеспечивает возможность для жизни дискурса, точнее его можно назвать допредикативной intersубъективностью (как сказано в приведенной выше цитате Гергена – язык является порождением «чего-то»). Именно в этом контексте мы видим пробуждение в истоках социального конструкционизма важнейшего потенциала социальных наук, который только начинает прощупываться: речь о первичном смысле той ткани, в которой и зарождаются человеческие жизни. Мы живем в том, что Шютц (см. Главу 3) называет «жизненным миром», и поскольку мы живем «внутри него», он становится для нас незаметным, и его трудно исследовать методами, которые нам достались в наследство от совершенно иной методологической традиции, традиции объективизма. Мы предполагаем, что возможности восприятия, которыми наделяет социальный конструкционизм, обеспечивают необходимые перспективы для выявления и прояснения новой основы для исследования и понимания человеческой «природы» (что является парадоксальной и захватывающей особенностью современного конструкционизма).

Конечно же, существуют и другие подходы к определению социального конструкционизма. Например, Курт Данцигер [Danziger, 1997b] выделил в социальном конструкционизме два течения. Он увидел «темное» и по большей части континентальное европейское течение, которое в основном опирается на работы Фуко и последующую постструктуралистскую и постмодернистскую мысль, озабоченную вопросами власти, артикуляции субъективности, относительности знания, а также применением всего этого в отношении таких вопросов, как, к примеру, гендер, субъективность и колониальные дискурсы. Также существует «светлое» и по большей части англо-американское течение, которое опирается на более традиционные и прагматические соображения, имеющие свое начало в устоявшемся эмпирическом подходе и отвергающие большую часть картезианского багажа, который сопровождает эмпирическую традицию. Это течение задается вопросами: как устроена повседневная жизнь? как формируется дискурс? почему в традиционных описаниях, полученных из психологии, которая основывается на экспериментальных процедурах и статистическом анализе отношений между зависимыми и независимыми переменными, отсутствуют описания и объяснения процессов? Если как-то определять наше местоположение, то по большей части оно на «светлой» стороне. Но несмотря на то, что мы в основном представляем мыслителей-конструкционистов «светлой стороны», наш подход к конструкционизму признает множество возможностей для определения значений и их трансформаций в тех случаях, где господствуют условные обозначения, само собой разумеющееся понимание или привычки.

В этой книге мы реализуем подход, подразумевающий, что существует явный и важный контрнарратив, который можно проследить, уходя вглубь от современного социального конструкционизма. Хотя этим идеям нашлось место на книжных полках и в темных уголках общественных и гуманитарных наук, они, как правило, лишь частично возникали (если и возникали вообще) в мысли современных социальных конструкционистов. Нам было довольно непросто решить, что станет частью нашего повествования. Как соотнести идеи Джамбаттисты Вико, датированные XVIII веком, с идеями Мориса Мерло-Понти? Или как рассматривать филологию в одном ряду с перформативным пониманием дискурса? Мы видим слияние мысли в современном социальном конструкционизме в том виде, в котором он находит свое широкое

применение. Нашу работу о конструкционизме оживляет то, что это совершенно иной взгляд на человека, нежели тот, который распространен в современной психологии или нейробиологии. Труды, посвященные социальному конструкционизму, о которых мы будем говорить, показывают людей, занимающихся конструированием и живущих собственными конструкциями. Но важно, что люди – это не «говорящие головы», и поэтому мы прослеживаем феноменологические понятия воплощенного познания до их телесных и социальных применений, которые будут называться «ситуативным познанием». С этим направлением нашего повествования связана другая концепция, в рамках которой смысл представляется как исполненный или рефлексивный; эта концепция человеческого общения и суждения сильно отличается от той, в которой они представляются собранными из передачи, приема и обработки информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.